

Сергей Игнатьев
Ловец тумана
Серия «Миры Упорядоченного»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4987725
Ловец тумана / Сергей Игнатьев: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-61036-5

Аннотация

Предновогодняя, засыпаемая снегом Москва. Начинающий дизайнер Северин Демихов счастлив. Жизнь складывается как нельзя лучше. Он знакомится с Жанной – девушкой своей мечты, получает заманчивое предложение от таинственного работодателя. Но Жанну похищают буквально на глазах у молодого человека, и работодатель оказывается замешан в этом деле. Северин вынужден принять его предложение. И начинается череда головокружительных приключений. Выясняется, что Жанну увезли в город болот и кошмаров Хмарьевск, который находится в Альтерре – кривом отражении нашей реальности. Хмарьевск населен десятками враждующих кланов, и, оказавшись там, Северин попадает в самую сердцевину заговора адептов Хаоса, который поставил под угрозу существование трех миров-отражений Упорядоченного. Юноше не остается ничего другого, кроме как вступить в Орден, созданный Хедином и Ракотом, и стать на пути Хаоса...

Новые летописи Упорядоченного в проекте «Ник Перумов. Миры»!

Содержание

Часть 1	4
1	4
2	7
3	9
4	11
5	13
6	16
7	17
8	19
9	21
10	26
11	29
12	31
13	34
14	35
15	37
16	39
Часть 2	41
1	41
2	44
3	46
4	47
5	49
6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Игнатьев

Ловцы тумана

Часть 1

Москва

1

«Новый год, в сущности, невероятно мрачный праздник.

Не таким он был в детстве – мгновения чуда, подаренные родителями. Отблеск ярких огней елочных гирлянд. Шелест метели смешивается с перезвоном колокольчиков на тройке Деда Мороза. Будут подарки. Будет радость. Предчувствие чуда.

Теперь, во взрослой жизни, все переменялось. Чудо, должно быть, осталось, предчувствия – пропали. «Будет» трансформировалось в «было».

Все, что теперь осталось от чуда: мокрая шапка Ипполита, смешанный привкус оливье и селедки под шубой, выверенные политтехнологами до запятой строки президентского обращения. Нелепые попытки утопить все в лихорадочном веселье затянувшихся праздников, чтобы потом, с мрачным лицом и тягостными мыслями, вернуться на свое законное место... Белка выползает из постельки, морщась, запивает «алкозельцер» выдохшейся минералкой, умывает лапками симпатичную мордашку. Белка возвращается на свое положенное место – в колесо. Белке пора бежать... Год за годом, снова и снова. С Новым! Ну, будем! Будем... С Новым...

Невероятно мрачный праздник».

...Так думал Сева, качаясь в такт с перестуком колес поезда метро, скользя взглядом по скучающим лицам пассажиров. Разглядывая первые приметы грядущей битвы за веселье: выглядывающие из сумок заряженные к бою батареи фейерверков и бенгальских огней, чахлые знамена еловых ветвей, заключенные в полиэтилен оранжевые ядра мандаринов.

Сева разглядывал аляповатую рекламу, обещающую сумасшедшие скидки (неужели и наша контора производит такую вот чепуху?), смотрел на переплетения кабелей и труб за окошками вагона. Они, казалось, исполняют некий танец в полном соответствии с заунывным шаманским метроритмом: «Тыгдык-тыгдык, тыгдык-тыгдык», пускают плавные волны – выше, ниже, выше, ниже... Вызывают острый приступ морской болезни даже у человека, чье знакомство с морской качкой ограничивается просмотром пары блокбастеров про похождения неуловимого капитана Воробья.

Механический, но полный зыбкой радости голос дикторши объявил следующую станцию.

Под шорох смыкающихся дверей на скамью напротив Севы уселся примечательный старик.

Он был одет в нечто среднее между линиялым макинтошем нуарных детективов и армейской плащ-палаткой, мохнатый свитер, треники с пузырями на коленках и потрепанные мокроступы. Рыжая с проседью борода придавала его внешности что-то величественное, значимое и вместе с тем – исконно-посконное – будто сошел с картины передвижников. Один его глаз блестел заливчатской суворовской безуминкой, второй, начисто лишенный зрачка, белесый и тусклый – смотрел слепо и безучастно.

Старик подмигнул Севе – веселым, зрячим глазом.

Сева поспешно отвел взгляд. Сосредоточился на музыке в наушниках и на экранчике мобильного телефона, в котором пытался выстроить, наперекор законам тяготения, башню из яростно раскачивающихся уже где-то на фоне Сатурна строительных блоков.

Блоки ложились один на другой, а Сева думал про Новый год.

Наряженная елка. Мерцание игрушек. Хороводы белой крупы за окном...

Если встать на цыпочки и потянуться, можно достать до рубинового елочного шара, в котором отражается все – и он, Сева, и его комната, книжные полки и отсвет люстры. В рубиновом сиянии все выглядит искаженным, причудливо изогнутым... Вроде бы все то же самое, обыкновенное, привычное и при этом совершенно иное. Будто дверь в другое измерение. Совершенно другой мир. Зазеркалье.

И оттуда, из той реальности, в мерцании новогодней гирлянды, в обрамлении хвойных игл, на тебя смотрит твой собственный двойник.

Это было настоящее чудо. Это было так по-настоящему...

«Я перестал верить в него, – подумал Сева. – Вот в чем моя проблема».

– Люди перестали верить в чудо... Вот в чем ваша проблема.

Сева поднял взгляд.

Одноглазый старик нависал над ним, одной рукой ухватившись за поручень, другую спрятав в карман своей безразмерной хламиды. Судя по цвету его лица, он начал праздновать загодя. Судя по его улыбке – не был завсегдатаем стоматологических клиник. Еще от него пахло.

– Что? – Сева вытащил из левого уха наушник.

– Удивлен?

Сева неопределенно пожал плечами:

– Я, собственно...

– Не спросишь, как мне это удастся?

– Что, простите? – Сева вытащил наушник из правого уха.

– Пить твои мысли. Проникать в самую суть. Читать тебя, как раскрытую книгу. Пробовать на вкус твою душу. Всякое такое...

«Сумасшедший, – подумал Сева. – Этого мне только не хватало».

Вторично пожав плечами, он вернулся к игре. Последний блок лег неровно, обрушив верхушку конструкции. Запасные ходы Сева потратил загодя. Игра была проиграна.

Пальцы Севы замерли, не донеся до ушей пуговки MP3-плеера, когда старик заговорил:

– Это как стоять на краю неба и тьмы. Каждый шаг грозит переменами, а ты не знаешь, что выбрать – сладкую мягкость облака или горечь чернильной тверди...

Сева зажмурился. Крепко-крепко.

Дело было даже не в словах. Интонация, голос... Ему приходилось слышать это прежде.

Лихорадочные обрывки снов. Каракули на задних страницах школьных тетрадок, университетских конспектов, офисных бланков – как попытки ухватиться за ускользающие мгновения... Это было что-то оттуда. Из-за грани миров. Из глубин елочного шара.

– Верно? – старик улыбался.

– Я не понимаю, о чем вы.

– Ты понимаешь. Ты знаешь об этом не понаслышке.

– Что вам от меня нужно?

Сева скользнул взглядом по вагону, попытался уцепиться взглядом за усталые лица пассажиров. Те, что еще мгновение назад поглядывали на старика, поспешно отводили глаза. Да, здесь определенно не стоило искать поддержки против навязчивого бродяги.

– Я хочу, – сказал старик. – Только одного... Чтобы ты вспомнил. Ведь ты знаешь, что бывает на краю земли?

Зрачок старика напоминал воронку смерча. Око бури... Або офо. Глаз быка. Что-то, давным-давно читанное в «гугле» и «вики». Что-то убранное и задвинутое в глубину чуланов памяти за ненадобностью. Абсолютное спокойствие в самом сердце урагана.

Зрачок старика – черная искра на фоне кипящей огненно-рыжей лавы.

Она манила. Засасывала. Она напоминала про то, что...

– На краю земли, – губы и язык Севы задвигались будто бы сами собой. – Восток целует запад, там, где миражи лишь мечтают о пустыне. И кровь стынет в жилах, когда ты внимаешь песне звездного ветра...

Он задохнулся, закашлялся, пораженный этой переменой. Рот его начал жить собственной жизнью, выдавая какую-то абракадабру.

Сева, путаясь в проводе наушников, попытался встать. Но старик мягко придержал его ладонью за плечо, возвращая обратно на сиденье:

– Мы плетем ту паутину, что не пропускает свет ваших солнц. Мы – те, кто обращает в пепел ваши сны. Те, кому не нужны причины... Те, кто разбивает зеркала окон и следует за струнами, свитыми из дыма и слез... Мы вышли ниоткуда. Уходим в никуда... Мы...

– Мы – Равновесие, – эхом повторил Сева, боясь собственного голоса.

– Вспоминаешь?

– Прекратите! – Сева почувствовал, что срывается на крик. – Я не понимаю... Какого черта?! Кто вы такой?!

– Ты просто забыл. Но я знаю, что тебе поможет...

Старик навис над Севой. Навязчивый, как ночной кошмар. От него было не укрыться.

От него пахло странной смесью запахов – нечто связанное с прогулками по Сокольническому парку – конский навоз, возможно? И кислое пиво. И дешевый табак. И застарелый пот. И что-то еще. Неуловимое. Вязкое. Страшное.

Разум подсказывал Севе, что к нему прицепился обыкновенный бомж.

Его зрение склонно было согласиться. Его слух был в этом совершенно убежден. Осязание предпочло бы воздержаться. Вкус категорически отказывался во всем этом участвовать.

Обоняние же – говорило и «да» и «нет». Оно било в набат, бесилось и трезвонило, игнорируя своих более логичных товарищей.

Сева заранее знал, что это за запах. Что он несет с собой. Что он означает.

От старика пахло опасностью и приключениями. От него пахло дорогой.

– Я хочу сделать тебе маленький подарок, – сказал старик, скалясь в бороду. – Это поможет тебе вспомнить...

Поддернув рукав своей безразмерной хламиды, он раскрыл морщинистую ладонь. На ней лежал винно-красный елочный шар.

Точь-в-точь такой же, как и тогда. В детстве.

Тот самый шар.

2

Следующим утром Сева проснулся с тяжелой головой.

Накануне он допоздна засиделся в «рубилоче-точка-ру», сначала поднимал долгожданный лэвел-ап – со второй попытки одолел-таки квестового босса, крепкого орешка, с которым никак не удавалось совладать раньше. Затем еще побегал по локациям, для куража... По итогам беготни одел троих нубов из своей гильдии в «оранжевые» обвесы. Хорошая ночь!

О ней теперь напоминали выстроившиеся рядком у стены пустые пивные банки, горечь во рту и такое чувство, что в черепную коробку сгрузили самосвал цемента.

Утро было какое-то неправильное.

Сбросив одеяло, Сева уселся на краю кровати. Посидел, тупо глядя на маленькую искусственную елку, стоящую на компьютерном столе.

Вот оно что...

Красный елочный шар. Случайный подарок того бомжа из метро.

Сева попытался припомнить обстоятельства, при которых притащил его домой, но из этого ничего не вышло.

Он определенно не принял из рук бородатого алкаша в плащ-палатке его подарка.

Поезд как раз дополз до его станции. Он спрятал телефон в карман, встал и вышел, сторонясь непрошеного собеседника.

Никакого елочного шара он не брал.

Однако тот, несомненно, Именно Тот, винно-красный, мерцающий рубином, елочный шар одиноко приютился на крошечной елочке.

Елочку эту Сева купил в ностальгических целях.

Конечно, она никак не могла сравниться с той пушистой разлапистой красавицей, что появлялась под Новый год в родительском доме, в дни благословенного детства.

Но встречать Новый год совсем без елки?

Это было бы слишком печально даже для него, Севы – молодого человека, имевшего сперва по месту учебы, а потом и по месту работы прочную репутацию зануды, молчуна и ботаника.

Сева и впрямь был не очень разговорчив и общителен.

Иногда ему было проще нарисовать, чем объяснить словами.

Иногда казалось, что никто из окружающих просто не способен его понять. Ни одноклассники, ни сокурсники, ни коллеги по работе... Даже родители.

В такие моменты почему-то всегда вспоминался один и тот же эпизод из детства. Ничем не примечательный, бытовой, обыденный.

Детство его прошло вблизи реки Лихоборки, на севере Москвы. Даже в те годы Лихоборка ну никак не тянула на такое сильное определение, как «река» – что-то полноводное, разливающееся от края до края... Так, что редкая птица долетит до середины! Что-то сродни мощному голосу Зыкиной и мощным страстям Стеньки, кидающего княжну прямоком в набегающую волну.

Там все было совершенно другое.

Маленький, весь какой-то скукоженный водяной поток, ручеек, насыщенный солями тяжелых металлов и нефтепродуктами.

Жалкая ниточка воды, протянувшаяся среди царства бетона и асфальта.

Севу вновь и вновь тянуло к ней.

Как и в тот день, когда он стоял на шатком мостике и смотрел вниз, на то, как вода, бурля и гудя, преодолевает созданную человеком искусственную преграду.

Что это был за звук! Что это был за напор!

Лихоборка безумствовала.

Дикое бурление, отдающийся эхом под сводами мостика шум, рев необузданной стихии.

В этом звуке было что-то первобытное. В этом звуке мнились Ниагара и Игуасу.

Это было – настоящее!

Крошечная речушка Лихоборка продолжала свою борьбу, даже сжатая со всех сторон асфальтом и бетоном, разделенная запрудами и рассекателями. Она не сдавалась. Она негодовала и кипела. Она билась.

Это как-то вдохновляло.

Спуская воду в унитазе, Сева как будто вновь услышал тот самый звук.

Тот, да не тот. Вообще ничего общего.

Сева поморщился, обеими ладонями потер лицо. Прошлепал босыми пятками в кухню, жадно напился из чайника холодной заварки.

Он поставил чайник на стол, прищурился на яркие солнечные лучи, насквозь простреливавшие кухню, и вспомнил сразу три важные вещи.

Первое: он опаздывает на работу.

Второе: это, наверное, не очень страшно, поскольку сегодня последний предновогодний день, а следовательно, корпоратив. И коллеги, скорее всего, начали отмечать с самого утра.

Третье: этой ночью он, Сева, не видел Того-самого-сна.

От этой мысли настроение его как-то сразу улучшилось.

Сева пошел одеваться.

3

Тот-самый-сон снился ему часто. Слишком часто.

Утром наваждение рассеивалось, и ужасно трудно было восстановить в памяти подробности.

Сева пытался зацепиться за ускользающие обрывки сна.

Он много рисовал. Еще в школе, черкая ручкой на задней странице тетрадки по геометрии, сиюсь воплотить свои впечатления в некое подобие формы. В институте – на полях конспекта. Уже войдя во взрослую жизнь, устроившись на работу – на оборотах офисных документов, на черновых распечатках. Штрихи складывались в некое подобие узора, проступали лица, силуэты зданий, какая-то причудливая, никем не виданная флора и фауна.

Взрослые говорили, что у него талант. Что он замечательный фантазер.

Но все дело было в его снах.

В некоторых рисунках ему почти удавалось запечатлеть нечто, контрабандой провезенное оттуда, из-за границы Сна и Яви – отзвук, отголосок... Но не более. Подробности меркли. Общая картина таяла.

Сон ускользал, убегал, ссыпаясь песком сквозь пальцы.

Чтобы следующей ночью вернуться.

Вновь и вновь. Каждую ночь.

Северин слышал гулкий звон ратушных часов. Видел башни величественного сооружения, напоминающие зазубренные клинки, нацеленные на равнодушный лунный лик.

Перед ним была кованая решетка забора, ажурные ворота. Они со скрипом приоткрывались, впуская его в царство теней и мрака.

Северин шел сквозь туман, касаясь руками зарослей крапивы, буйных и разлапистых, доходящих до пояса. Крапива не жгла – на руках его были перчатки черной замши. Все на нем было черное – высокие сапоги, бриджи и камзол с воротником под горло. Вычурный, театральный костюм – откуда?

В кого он одет, кем притворяется? Могильщиком? Вампиром? Рыцарем плаща и кинжала?

Ответ был где-то рядом. Ответ таился за занавесью тумана.

Он шел вперед, касаясь ладонью могильных камней, на торцах которых поблескивала ранняя роса. Он касался лиц молчаливых статуй, потемневших от дождей, затянутых мхом. Это было кладбище.

Луна укутывалась в тучи. Туман стелился окрест, в нем растворялись склепы и памятники.

Северин ловил его раскрытыми ладонями, но тот неизменно ускользал.

Мгла. Темнота. Хмарь.

Полупрозрачные силуэты призраков казались реальнее, чем насупившиеся на крышах склепов грифоны и ангелы с пустыми глазами.

Таинственный и непостижимый город-в-городе, чьи обитатели давным-давно истлели под слоями грунта, под мрамором и гранитом, среди переплетений корней. Оттуда, из черных земных недр, они следили за тем, кто шел по их владениям. Следили пустыми глазами, скалили голые челюсти в извечной усмешке.

Живых здесь было только двое.

Он, Северин.

И девушка, имени которой он не знал.

Она тоже приходила сюда каждую ночь.

Бродила, бродила до самого утра в тумане, по узким дорожкам кладбища.

Порой Северин замечал в отдалении ее стройную фигурку в длинном светлом платье.
Он не решался приблизиться к ней. Не решался выдать своего присутствия. Легкий шорох шагов. Медный отлив волос в зыбком лунном свете.
Все скрывала ночь. Все скрывала Хмарь.

4

Сева просыпался. Пытаясь прокручивать в памяти виденное во сне, пытаясь удержать роящиеся осколки-снежинки беспорядочной морфеевой вьюги, сползал с кровати, плелся чистить зубы...

Или лежал, проснувшись среди ночи, вслушиваясь в гулкие удары собственного сердца, следил за тем, как ползут по потолку отсветы фар редких автомобилей.

Не мог уснуть, ворочался до самого рассвета.

Ему снился город – чужой, причудливый. Затерянный среди лесов, от века пребывающий в испарениях болот и непрерывном комарином звоне.

Эклектическое собрание различных эпох и стилей. Трухлявые бараки, криво сколоченные из плохих досок, соседствовали с основательными каменными башнями. Между их зубцов коротали ночь часовые, кутаясь в плащи и рассыпая искры в попытках раскурить трубку на открытом ветру.

Ветер нес пряный аромат цветников и оранжерей из-за украшенных лепниной стен, скрывавших дома богатых горожан. Ветер нес вонь от свинарников и забитых под завязку рыбных складов.

Из-за пышной зелени фруктовых садов выступали изящные арки акведук. В библиотеках шелестели страницами книжки. В банях звонко хохотали девицы легкого поведения. Щелкали ножницы в цирюльнях. В казначейских звенели сыпаемые в мешок монеты. На постах городской стражи гремели по столу кубики-кости. На стройках стучали молотки и вжикали пилы-ножовки.

Город был как живой.

Сева припоминал отдельные детали так ярко и отчетливо, будто все это было наяву.

Но, как ни силился, не мог вспомнить даже названия города...

Сны были интересные.

Севе хотелось поделиться ими с кем-нибудь.

Но с кем?!

С друзьями, пропустив по кружке-другой светлого?

Вытащить друзей на кружечку-другую представлялось задачей невыполнимой, в последний раз Севе удалось решить ее полтора года назад. Формат сайта «Одноклассники» как-то не располагал к откровенности. А уж памятуя, сколько кружечек было пропущено на той встрече полуторагодовой давности, – в таком состоянии у него вряд ли получилось бы связно изложить свою историю.

С сослуживцами по офису, на бизнес-ланче, ковыряя вилкой крутоны в своем «Цезаре»?

Сослуживцы Севы сплошь представляли собой тот приятный тип людей, который вовсе не нуждается в дополнительной мотивации для начала беседы. За бизнес-ланчами говорили много и заглушая друг друга. Говорили, но только не слушали.

С девушкой, прогуливаясь по набережной после просмотра какого-нибудь смешного фильма – ну, когда кого-нибудь тошнит на капот полицейской машины или за подростками по сосновнику бежит парень в хоккейной маске, с мачете – словом, после чего-нибудь молодежного?

Девушки у Севы не было.

С родителями?

Только их еще не хватало «грузить». Других проблем у них нет, что ли? Старшая, вон, замуж собирается наконец. А младшему – поступать скоро.

Порой Сева подумывал о том, что его жизни нужны кардинальные перемены.

Порой Сева мечтал: если бы только представилась возможность навсегда свалить отсюда, из стылрой неприютной Москвы с ее плиткой и пробками, с ее аренби, тирамису, клетчатыми хипстерами и общей атмосферой социальной нестабильности; из скуки предначертаний и определенности, в Тот-самый-сон... Остаться в этом безымянном городе, затеряться среди его болот и комаров, стать его частью, его полноправным жителем... Познакомиться, наконец, с той изумительной рыжеволосой девушкой, что каждую ночь приходит на кладбище... Узнать, для чего она это делает, какая мрачная тайна таится за этим? Да просто даже увидеть толком ее лицо!

Если бы только представилась возможность – он согласился бы незамедлительно!

Но такой возможности не представлялось.

Жизнь шла своим чередом. Утром он просыпался со щемящим чувством потери. Чистил зубы. Варил пару яиц, съедал бутерброд с сыром, выпивал чашку чаю. Ехал на работу.

Работа его заключалась в том, чтобы рисовать, сперва при помощи листа бумаги, формата А4 и карандаша, а затем при помощи планшета и программы «фотошоп», прикольные открытки.

Причем широта самого понятия «прикольный» определялась исключительно чувством вкуса артдиректора. Инициатива не приветствовалась. Отход от генеральной линии упреждался санкциями.

На время бизнес-ланча можно было отдохнуть от котят с ресничками, глазастеньких анимешных девчушек и румяных щенков. Это было неплохо: просто сидеть и слушать, как болтают, перебивая друг друга, сослуживцы, зарываясь вилкой в «Цезарь» в поисках укрытых в нем крутонов.

Затем все продолжалось сызнова. Сбивчивые и энергичные объяснения нависшего над рабочим столом арт-директора Артема Палыча, рассыпающего сигаретный пепел прямо на ворот Севиного свитера. Насупленные брови и отвислые багровые щеки заведующего отделом Геннадия Георгиевича. Скептически поджатые губы очередного заказчика. И снова. И снова. И снова...

А затем вечер, на сковородке шипит замороженная мексиканская смесь с замороженными же котлетами. «Рубилово-точка-ру» под пиво и бодрые гитарные запылы дум-фолковых «Волколаков Перуна» и макабр-металлических «Жнецов Осени».

По выходным можно было съездить к родителям, поесть нормальной горячей еды и в который раз убедиться в том, что тебе пора взяться за ум. Что ты прожигаешь свою жизнь. Что ты теряешь бесценную молодость. Тратишь ее на какие-то глупости.

Насчет «прожигания» Севе всегда хотелось поспорить. За этим термином виделись скорее не его офисно-интернетные будни, а крошечный шарик рулетки, юркий и яркий, скачущий с красного на черное; белый порошок, рассыпанный по телячьей коже сидений «Мазерати», и черная икра, размазанная по плоскому животу полногубой и волоокой дивы...

Но вот что касается «глупостей» – с этим Севе было как-то трудно поспорить.

5

До работы Сева доехал не без трудностей.

Москва в который раз оказалась не готова к наступлению генерала Мороза со всей его армией снеговиков и эскадрильями сосулек. Оранжевая уборочная техника вела неравный бой с силами неприятеля. Выстраивались длинные пробки из автолюбителей, застигнутых врасплох внутри собственных машин.

Сева томился, предчувствуя недовольство артдиректора. Тот успел уже, небось, хлопнув пробкой в потолок и вызвав радостный визг девочек из бухгалтерии, начать подготовку к корпоративу. Каким будет его поведение: холодное ли отторжение потомственного аристократа при виде облепленного репьями мужика в одном лапте? Радужная ли встреча и братские объятия? Нудная лекция о необходимости в профессии пунктуальности и обещание смутной кары? Совершенно невозможно было предугадать.

Маршрутка еле тащиась к метро.

«Жнецы Осени» под лирический скрипичный аккомпанемент пели в наушниках про карлика с ржавым ножом, который, таясь за ивами, ждет прорицателя с козлиными рогами, чтоб украсть его печень и добиться благоволения Хозяйки-Луны.

В очередном романе загадочного беллетриста F, раскрытом на коленях, Андропофф, бесстрашный главный герой из суперпопулярной серии про Агроманта, методично расстреливал из дробовика подступающих колдырей-зомби, запасы картечи у него стремительно подходили к концу.

Было холодно и тоскливо.

Офис квартировал в ветхом двухэтажном строении, затерянном в окрестностях Садового кольца.

На крыльце курили артдиректор и заводитделом. Первый, несмотря на мороз, был облачен в ярко-розовую рубашку и зауженные брюки, отчего поминутно ежилась и поводил плечами. Второй, напротив, прочно утверждал себя на ступенях, широко расставив ноги, одет же был в кислотного цвета пуховик и песцовый малахай. Толстые щеки его были багровее обычного, в волосатом кулаке ютился пластиковый стаканчик с чем-то ядовито-желтым.

– Демихов, ты где шляешься?! – заорал артдиректор, заглушая даже макабр-металлические запины в Севиных наушниках.

Артдиректор, нервно щелкая по сигарете ногтем, передернул плечами:

– У нас там ноито уже, остывает все!! А я тут стою, тебя жду, мерзну. По последней эн-гэ линейке, что там у тебя?! Или, типа, до тринадцатого года тянуть будем, когда уже никому не надо будет?!

Заводделом чуть поворотил тяжелую голову в малахае, при этом слегка покачнувшись и тотчас вновь прочно утвердившись на ступенях широко расставленными ногами. Видно было, что за подготовку к корпоративу он взялся основательно, как и за все, за что брался.

Артдиректор был старше Севы лет на пять, но фамильярностей не терпел и вообще был лицо ответственное. Сева с некоторым волнением еще на дальних подступах к крыльцу убрал из ушей пуговицы наушников, стал расстегивать молнию на пачке с эскизами, потащил их наружу:

– Вся эн-гэ линейка здесь, Артем Палыч. Вот, смотрите... Во-первых, бурундучки в колпачках. Второе, это обезьяна в скафандре. Обнимающиеся медведики – три. А вот... как заказчик просил, помните – зеленый Йода с мешком подарков?

– Не Йода, а лепреккон, – погрозил пальцем артдиректор, принимая вид аристократа, столкнувшегося с мужиком, облепленным репьями. – Ох, и бестолковый же ты!

Завотделом величественным жестом поднес к лицу левую ладонь с зажатой между пальцев забытой сигаретой. Поглядев на нее как бы с недоумением, опустил руку и поднес к лицу правую, в которой покоился стаканчик. Отхлебнул, изрек:

– Мы, наше поколение – такие не были. Это безусловно.

Судя по запаху, разминался он «отверткой».

– Артем Палыч, – Сева недоуменно разглядывал собственный рисунок. – Но я точно помню, что там не лепрекон, а именно Йода...

– Демихов, ты сдурел?! – в возмущении вскинулся артдиректор. – Конец рабочего года, последний, блин, день! Сегодня в типографию засылать... Ты нас разорить хочешь или что?

– Безусловно, – завотделом подвигал красными щеками.

– Подождите, но там же... Я как бы...

– Ой, да расслабься ты, – Артем Палыч щелчком отбросил на снег сигарету и расплылся вдруг в братски-дружелюбной улыбке. – Это я так, проверить тебя решил... Какие еще, блин, открытки?! Фиг с ними, короче, у нас там нолито уже и стынет все, понял?! Вот стоим с Генадь Георгием суши ждем. Верно, Генадь Георгиеч?

– Безусловно, – завотделом, прищулив один глаз, другим заглядывал в опустевший стакан.

Мысленно послав их всех подальше, Сева проскользнул к дверям, смазанно поздоровавшись с сидящими на ресепшене красотками, поспешил к рабочему месту.

Атмосфера в офисе царила уже самая праздничная – в кабинетах разливали и смеялись, за тонкой гипсокартонной стеной пели про плетеную мебель уличных кафе и красное вино из местных погребов.

Заглянув в кабинет и капризно надув губки, бухгалтерша спросила у Севы, где же долгожданные суши? Он неопределенно развел руками.

Отодвинув папку с эскизами подальше, Сева включил компьютер. Щелкнул мышью на закладке «рубилова-точка-ру». С нехорошим предчувствием прокрутил чатовский лог чуть вверх. Обнаружил именно то, чего опасался. Под конец вчерашней прекрасной ночи, то ли от выпитого пива, то ли на радостях от поднятого лэвела, он разродился в чате серией сообщений, в которых решил поделиться с соратниками тем, чем давно уже хотел поделиться хоть с кем-нибудь.

Теми-самыми-снами.

Решение тем более спорное, что об обстоятельствах его принятия или хотя бы согласования с Министерством Внутренней Цензуры, расположенным между правым и левым ухом, Сева категорически не помнил.

Откликов, впрочем, было не слишком много. В чатике накануне было немногочленно. У многих Севиных соратников по гильдии ближе к Новому году обнаружилось наличие личной жизни. Это было немного обидно, но, в конце концов, было свойственно человеческой природе. «Не всем же, Сева, быть такими неудачниками, как ты! Кто-то же должен наращивать демографию и двигать прогресс, а?» – радостно телеграфировало Министерство Внутренней Цензуры.

Отклики были следующие.

«КАПИТАН ПЕРЧУЕЛ» терпеливо и довольно вежливо призывал не спамить в чат гильдии мессагами размером с простыню.

«Лапка-тапка» в своей обычной загадочной манере ограничилась подмигивающим смайликом.

«НескончаемыеСлезыСожаления111» писал: «Лол ти удулси?????)))).»

«Дракулоид» был краток: «0__о».

«Бидон_Битума» спрашивал, в аське ли сейчас находится Сева и можно ли ему в нее стукнуть?

Насколько Сева помнил, «Бидон_Битума» был из недавнего пополнения нубов и в его контакт-листе отсутствовал. Сева даже не был точно уверен, парень это или девушка. В онлайне он теперь отсутствовал.

Судя по времени отправки последнего сообщения и по отсутствию дальнейших реплик с его стороны, Сева на тот момент уже дрых, упав поперек кровати.

За стеной пели про то, что, чтобы удержать, надо отпустить, и про ножи в спину во время обьятий.

Сева пробежал по клавишам, вводя пароль. Раскрыл почтовый ящик, пробежался по заголовкам писем.

В основном писали нигерийские принцы, желающие дать ему денег, и обладательницы простых русских имен и труднозапоминающихся имейлов, желающие одарить его плотской любовью.

Но нашлась весточка и от живого человека.

Щелкнув мышью, Сева раскрыл письмо от пользователя «Бидон_Битума».

6

«Дорогой ЭмберХерд! – писал Севе пользователь «Бидон_Битума». – Увы, мне неизвестно, как звать тебя в реале, поэтому начинаю это письмо с обращения по нику. В твоём профиле не нашел, к сожалению, номера аськи или скайпа. Поэтому пишу на почту. Меня очень заинтересовало то, о чем ты рассказывал сегодня ночью в чате. Случилось так, что подобные вещи входят в круг моих профессиональных интересов. Я, по правде говоря, не очень верю во всякие мистические случайности, но мне кажется, если бы нам удалось поговорить обо всем этом подробнее, это могло бы быть полезно нам обоим. Грядут новогодние праздники. Ты, наверное, помнишь – я тоже из Москвы. Как насчет встретиться на днях где-нибудь в центре, поболтать? Чмоки. Бидон_Битума...»

В Севины планы касательно новогодней декады вовсе не входили локальные развиртуализации с соратниками по игровой гильдии, как не входили они в его планы на протяжении полутора лет, прошедших со дня регистрации в «рубилоче-точка-ру».

Но что-то смутное и до конца не сформировавшееся пошатнуло его убеждения. Может быть, общее тревожно-суматошное настроение этого утра? Может, весь этот карнально-новогодний настрой, которым успел пропитаться офис, как бисквитные коржи сиропом, пока маршрутка с Севой внутри буксовала, сопротивляясь нашествию снеговых орд генерала Мороза? А может, доносящаяся из-за стены, исполненная дауншифтерского духа песня про бегство по серпантину в сторону Портофино?

Одним словом, что-то заставило его набросать быстрый и довольно сумбурный ответ «Бидону_Битума», в котором он приглашал его встретиться завтра же – в «Кофейнице» у ближайшего к Севиному местобитанию метро.

7

На момент начала официальных предновогодних торжеств половина офиса с трудом держалась на ногах. Высокое начальство, выступавшее с пространной речью на тему итогов года, сбывшихся надежд и оправданных ожиданий, слушали невнимательно.

Куда занятнее было происходящее в холле. Завотделом Геннадий Георгиевич в песцовом малахае, с надкушенным роллом в одной руке и с пластиковым стаканчиком в другой отплясывал подобие индейского танца под аккомпанемент «Волколаков Перуна».

На Севу, ввиду его относительной трезвости, замдиректора Шалевич возложила обязанности диджея. Девочки из бухгалтерии все время требовали Ваенги, программисты – «Мельницу». Сева окончательно запутался и смешался.

Но выбор оказался удачным. К Геннадию Георгиевичу незамедлительно присоединилась та половина офиса, которая могла еще стоять на ногах. Даже именитые гости генерального, которых он поил коньяком в собственном кабинете, вышли на свет, привлеченные мощным гроулингом солиста. К танцам, впрочем, присоединяться не спешили. Судя по всему, люди это были серьезные и влиятельные, под стать самому генеральному, ногодрыжества и рукотряски не одобрявшему. Среди искрящихся запонок и галстуков ручной работы особенно выделялось черное пальто в пол, в котором оставался один из гостей. Это был атлетический блондин, напоминающий отмытого, постриженного, чисто выбритого и запакованного в «Армани» разбойника-викинга.

Сева совершенно случайно встретился с ним взглядами.

Глаза у него были очень светлые, почти прозрачные, и зрачки – размером с игольное ушко. Что-то было в его глазах... Что-то знакомое, слегка размытое алкогольными парами, но, несомненно, важное. Что-то из недавнего Севиного опыта...

Господин в черном, пожав руку генеральному, ловко лавируя между танцующими, ускользнул куда-то в сторону выхода.

Раздираемый любопытством, Сева осмелился обратиться к замдиректора.

Та как раз стояла рядом, подпирая крутой бок дебелий рукой. Сквозь занавесь густо накрашенных ресниц посматривала на танцующих сотрудников. На ее полном лице читалась почти материнская нежность.

Севино любопытство она охотно удовлетворила:

– Ну, ты что, это ж сам Мурин-Альбинский!

В ответ на Севино недоуменное междометие замдиректора презрительно колыхнула грудью:

– Эх, молодежь! Таких людей, Севочка, надо знать в лицо. Януарий Мурин-Альбинский, на минуточку, наш важнейший партнер. Полиграфический король. Вхож в круги, имеет вес! Говорят, богат несметно...

Шалевич мечтательно пригубила пластиковый стаканчик, оставив на ободке след яркой помады. Поставила стаканчик на колонку, из которой грохотало, как пулемет, барабанное соло «Волколаков Перуна».

– Видный мужчина! Жаль, в Москве бывает наездами... Все по заграницам мотается, по куршавелям. Эх, Севочка, не хватает Москве настоящих мужиков...

Печально вздохнув и как бы оставляя Севу хорошенько пораскинуть мозгами насчет ее слов, замдиректора Шалевич направилась к шведскому столу.

Провожая взглядом ее крутобедрую фигуру, плотно обтянутую лиловым бархатом и вызывающую какие-то скифско-степные ассоциации, Сева, наконец, вспомнил.

Глаза у человека в черном пальто были точь-в-точь как у старика из метро. Хоть, строго говоря, у второго имелся в наличии всего один...

Степные. Дикие. Волчьи.
Глаза хищника.

8

Впоследствии, восстанавливая в памяти события того примечательного «корпоративного» вечера, Сева, как ни пытался, не мог толком вспомнить – за каким чертом вообще понесло его на крышу офиса?

К курению он никогда не испытывал особого интереса, в студенческие годы изредка дымил в шумных компаниях, скорее для соблюдения социального протокола, ну и чтобы произвести впечатление на девушек. Девушки на своем веку повидали и не такое и как-то особо не впечатлялись. Поэтому по окончании института Сева без сожалений расстался с пагубной привычкой.

И вот, в самый разгар корпоративных торжеств, он обнаружил себя на крыше, опасно перегнувшимся через хлипкие перила, с тлеющей сигаретой в зубах (длинной и тонкой, с ментоловым привкусом), наблюдающим, как на окрестные московские дворики наползают сумерки и крошечные снежинки, кружа винтом, летят к земле, отражая отблески фар, фонарей и рекламного неона.

Холодный воздух отрезвил его.

Он обнаружил себя без куртки, с начатой бутылкой белого вина в руке, в криво наклоненном на голову песцовом малахае заведомо Геннадия Георгиевича.

Самое важное открытие заключалось даже не в этом. А в том, что на крыше офиса, вопреки первому впечатлению, он оказался не один.

По правую (как раз сжимавшую бутылку шардоне) руку от него на перилах сидела как ни в чем не бывало, болтая обтянутыми джинсой длинными ногами, обутыми в косматые угги, смутно знакомая девица.

Снежинки, кружась, цеплялись за ее причудливую прическу – ярко-рыжие, красные и черные пряди, старательно взъерошенные и закрепленные гелем. Тонкая шея девушки была обмотана шарфом в семь цветов. В по-кошачьему больших и зеленых глазах плясали чертенята.

– Ну, а дальше?! – в нетерпении спросила она. – А он ему что?!

Сева оглянулся по сторонам, убеждаясь, что вопрос обращен к нему.

Отрезвление морозом произошло столь внезапно, что прервало, очевидно, какой-то важный Севин монолог, адресованный удивительной девушке. Сева понял, что сейчас очень важно не ударить в грязь лицом.

– Дальше? – глупо переспросил он. – Слушай, а это не опасно? Ну, типа что ты вот так сидишь?

– Типа волнуешься, что у меня задница отмерзнет?

Сева смутился:

– Вообще-то я не про это... В смысле, эти перила, они, знаешь, хлипкие такие, на соплях прямо держатся, ужас что такое...

Девушка закатила глаза, вытянула губы трубочкой и с шумом выпустила через них воздух:

– Ну, во-о-от, отеческая забота, рыцарство и нотации. А как хорошо все начиналось! Знаешь, Сева, пойду-ка я, пожалуй, еще выпью. Чего и тебе желаю...

– погоди!! – неожиданно для самого себя вскричал он.

В голове крутилось: «...где же я ее видел? Нас же представили – точно, нас познакомил Артем, в холле... Как же он сказал, ее зовут?! Что ж ты, паршивец? Раз напился – все из головы сразу вылетает? Ее лицо! Как будто я видел ее раньше, гораздо раньше... Но где?!»

– погоди, Жанна! – вспомнил он наконец. – погоди, я только спросить хотел...

Жанна задержалась у обитой мятой консервной жестью двери – выхода с крыши, вопросительно поглядела на него через плечо:

– Ну, чего, рыцарь?

– Ты и Артем, вы?..

– О Господи! – она с длинным скрипом потянула дверь на себя, проскользнула внутрь. – Не скучай.

Вот теперь Сева действительно остался на крыше один.

Впрочем... у него оставалась еще почти нетронутая бутылка шардоне. Этим стоило воспользоваться.

9

Разбудила Севу трель мобильного телефона. Он некоторое время рефлекторно жал на кнопку с зеленой трубкой, пока не осознал, что трезвонит оставленное им самому себе накануне напоминание:

«бидон битума в кофейнице у метро».

Сева с силой потер глаза, перечитал сообщение себя вчерашнего себе сегодняшнему:

– Что за бред?

Переместившись на край кровати, с некоторым усилием стащил с себя джинсы. Уныло пошлепал в ванную.

Кое-как умывшись, сказал собственному отражению в зеркале:

– Не просто спорт или отдых, а состояние души...

Отражение в зеркале – взлохмаченное, с глубокими тенями под глазами, – смотрело с выражением мрачной обреченности на лице.

– Чтобы не потерять почву под ногами, ощущение мира. Тихая речка. Немудреная снасть...

Сева показал отражению обложенный язык и поплелся на кухню, ставить чайник.

Ощущение было такое, что в черепную коробку сгрузили три самосвала противотанковых ежей и колючей проволоки.

Красный елочный шар пребывал на своем месте. Ради интереса Сева погляделся в него. Все та же унылая похмельная физиономия. Все та же обшарпанная комната с тремя криво приклеенными плакатами поверх обоев в цветочек – Эми Ли, Джордж Ромеро, Хелена Бонэм Картер.

И никакой магии. Никакого таинственного мерцания, намеков на выходы в Зазеркалье и торопящихся по своим делам кроликов с цепочками часов, свисающими из клетчатых жилетов «барберри».

Тоска зеленая.

Кое-как приведя себя в порядок, утомленность лица укрыв солнечными очками (благо на улице сияло чудесное пушкинское солнце, приглашавшее к лыжным прогулкам и гусарскому аллюру по родному заснеженному простору), Сева поковылял к остановке.

Маршрутка, по обыкновению, никак не хотела появляться.

В кармане джинсов, заставив вздрогнуть всем телом, завибрировал и затарахтел голо-сом боевого вертолета телефон.

Входящее SMS. Номер незнакомый:

«Прив! Я на месте. Дальний угол, диван. Синяя водолазка. Б.Б.».

«Значит, – подумал Сева, – я ему и номер успел свой дать? Ну, не идиот ли? На кой мне вообще понадобилось все это? Зачем было вообще трепаться в чатике про свои сны? А уж тем более принимать приглашение этого типа? Что на меня нашло? Приключений захотелось? А может, он маньяк? Вон на Западе был случай, один тоже знакомился по инету, а потом взял и сожрал чувака. Вдруг и этот «Бидон» из таких же? К нам сегодня приходил некропедозоофил... Может, ну его к черту?! Потом скажу, что заболел. Слег с простудой. И про сны я, мол, все выдумал. Да и вообще к черту это «рубилOVO», достало уже. Вот у меня пятьдесят второй, вернее, уже пятьдесят третий уровень. Обвес эпик, фиолетовый! Эльфийка-дамагер, знойная. Половину лок прошел. Правда, еще половина не пройдена, но... Господи, на что я трачу свою жизнь?!»

Маршрутка подъехала, гостеприимно раззявила дверь-пасть, предлагая Севе нырнуть с морозца в ее теплое нутро.

Немного помешкав, он все же принял ее предложение.

До метро его домчали на удивление быстро. Вот так всегда – когда со страшной силой спешишь куда-нибудь, то непременно будут и пробки, и снежные заносы, и стихийные бедствия локального масштаба.

А когда душа противится, когда оттягиваешь каждое мгновение – раз! И вот ты уже на месте.

Сева вошел в двери кофейни, замер на пороге, присматриваясь.

Сердце отчего-то заколотилось с удвоенной силой. «Как на первом свидании!» – язвительно телеграфировали из Министерства Внутренней Цензуры.

Сева уже и позабыл, как это – на первом свидании. Ну, была одна, еще в институте. Хорошая девушка, отличница. Тоненькая, глаза сливового оттенка, а волосы – белоснежные, вылитая Грибная Фея с локации Запретная Тропа в «рубилowo-точка-ру». Сева об этом вспоминал каждый раз, когда ее выносил своими эпик-спеллами. Однажды гуляли они по набережной после просмотра какого-то смешного фильма. Кажется, там кого-то тошнило на бампер полицейской машины? Или там парень в хоккейной маске бегал за подростками по лесу? Словом, это было что-то молодежное. Они гуляли по набережной и ели мороженое. Девушка сказала: «Ты, Сева, конечно, очень хороший! И настоящий друг. Но ты как бы еще не сформировался. А мне это важно очень. Чтобы рядом был человек, сформировавшийся как личность». Сева немного обиделся. Решил, что это она так шутит, специально подтрунивает. Испытывает. Пошутил в ответ: «Ну типа если я полуфабрикат, так кто же тебе мешает, иди найди себе – чтоб на все готовенькое». А она почему-то ужасно обрадовалась, прямо захохотала. А я, говорит, уже. Неделю уже почти встречаемся. Не знала, как тебе преподнести, ты уж извини... Сева толком не помнил, как тогда сессию сдал. Все в тумане. Только песня все время крутилась в голове: сегодня в белом танце кружимся, наверное, мы с тобой подружимся.

Что примечательно, теперь в «Кофейнице» играла та же самая песня.

У Севы возникло нехорошее предчувствие. На негнущихся ногах прошел в дальний зал. Почти все столики были заняты, дым коромыслом, туда-сюда сновали официантки в передниках.

Сева остановился возле диванчика в дальнем углу.

За столом сидел, меланхолично вращая пальцами бокал желтовато-прозрачного «Асахи», Януарий Мурин-Альбинский, полиграфический король и интересный мужчина. На нем была темно-синяя водолазка «Фред Перри» и очки с затемненными стеклами.

Отпустив бокал, он заглянул под стол. Взял вилку, помешал ей в тарелке с «Цезарем». Подцепив на зубчики вилки крутон, отправил его вниз, под стол. Из-под столешницы показалась вытянутая морда – черная и лоснящаяся. Мелькнул розовый язык, с аппетитом захрустели мощные челюсти.

– Я думал, сюда с собаками нельзя, – разлепил губы Сева.

Мурин-Альбинский медленно поднял голову. Неспешным жестом снял темные очки:

– Разве? Я и не знал...

Сева, автоматически повторяя его жест, стащил с носа собственные солнечные очки.

– ЭмберХерд? – с приятной полуулыбкой осведомился Мурин-Альбинский.

– Бидон_Битума?

Они пожали друг другу руки. Рукопожатие у Мурина было крепкое, мужское.

В целом он не очень походил на некропедозоофила. Скорее он походил на полиграфического короля...

– Садись-садись, чего стоишь-то? Щаз... официантку.

Мурин щелкнул пальцами. Официантка возникла возле столика, незамедлительно, как Трое-из-ларца.

– Ну чего... по пиву?

– Это же, – Сева с трудом подбирал слова. – Это же вроде как кофейня...

– Разве?! – Мурин перевел свои точки-иголки на официантку. – Это что же, кофейня?!
Официантка, находясь под воздействием его взгляда, медленно приоткрыла рот, кивнула.

– А, ну ладно, – Мурин отвернулся от нее, раскрыл книжку меню. Полистал. – Так, девушка... Давайте нам пару «Джеймсона», грамм по триста. И чего-нибудь на закусь.

Официантка испарилась.

– Ну, так вот, – сказал Мурин. – На чем мы там остановились? Ах, да... Наш разговор в чате...

– А вы что же, давно в «рубилOVO» гамаете? – невпопад спросил Сева.

– Да не очень. Я раньше по «линейке» зависал в основном. А что?

– Так, просто... Я как-то вас по-другому себе представлял... Помладше, как-то, что ли...

– Что же я, – с некоторой обидой в голосе начал Мурин. – Слишком старый, чтоб в эрпэгэ по сети шпилить, так, по-твоему, выходит? Или ты к тому, что я в чатике себя веду, как школота? Это для конспирации...

Он заговорщицки подмигнул Севе.

Под столом шумно завозились и тоненько заскулили.

– Не любит он людные места, – Мурин кивком указал вниз. – Шумно ему здесь слишком. Капризная тварюга – страсть!

Пальцев правой руки, которыми Сева до недавнего времени нервно барабанил по колену, коснулось что-то горячее, влажное и шершавое.

Официантка принесла стаканы с виски и тарелку с орешками.

– Да ты погладь его, не бойся, – посоветовал Мурин. – Не укусит... Слушай, ты как, не против, если перейдем на реалнеймы? Оно как-то привычней.

– Сева!

На стол перед Севой легла визитка. Прямоугольник черного картона с тисненными золотыми буквами:

«Януарий Мурин-Альбинский. Всероссийское общество развития и популяризации парапсихологии и экстрасенсорики «Стражи Поднебесья».

И ниже маленький золотой логотип – что-то вроде скандинавского трискаля, символа связи между мирами. Только разомкнутый, будто расколотый на части.

– Ну, за твоё здоровье! – кивнул Мурин.

Они чокнулись стаканами и выпили.

«Бидон_Битума», эльф-мечник двадцатого уровня, одетый в добытый Севой в ходе памятного ночного рейда «оранжевый» обвес, поглядел на циферблат строгого «Вашерон Константина», нахмурился и перешел к делу:

– Ты хороший парень, Сева, – сказал он. – И мне хотелось бы помочь тебе. Знаешь, когда-то и я был на твоём месте. Этот мир не предназначен для мечтателей и любителей странного. Это царство прагматиков, где торжествуют целесообразность и выгода. Люди разучились мечтать. На это просто не хватает времени. Люди разучились видеть сны – какой в них толк? Они спят, хотя и не подозревают об этом. А мы... Мы их будим.

Сева повертел в руках визитку Мурина. Отпив для храбрости ещё виски, выдавил из себя:

– Общество развития парапсихологии... экстрасенсорики... Слушайте, Януарий, можно вопрос... ну а при чем тут сны?

– Об этом я и хотел бы тебе рассказать, – приятно улыбнулся Мурин. – Поверь, это будет любопытно. И не займет много времени...

И Мурин начал рассказывать.

Чем дольше длился его монолог, тем неудобнее чувствовал себя Сева.

«Мне в последнее время везет на безумцев, – подумал он. – Или... быть может, это я сам постепенно схожу с ума? Это бы многое объяснило...»

Мурин говорил:

– Нам не дано узнать, кто видит наши сны. Нам не дано заглянуть в чужие сновидения. Это фильмы, которые крутят внутри твоей головы. Фильмы, главным героем которых становишься ты сам. Это гипербола наших эмоций, это точка кипения наших чувств. То, что днем казалось сиюминутным эпизодом, случайностью, – ночью превращается в точку отсчета для построения твоей личной вселенной. В стартовую точку твоей личной мифологии. Этот процесс берет начало в твоём теле, в твоей плоти, но его осознание и восприятие происходят в твоём уме. Пробуждаясь, мы нелепо цепляемся за цветные осколки дремы. Мы находимся на пороге миров, толком не осознавая ещё себя. Чувствуем себя, как растение, как животное. Первобытное наследие, отголосок тех невозможно далеких времен, где наши истоки, наши корни. Перед нами раскрывается мир – страшный в своей первозданной наготе. Мы видим его без прикрас, без вуали и лоска. Таким, каков наш мир на самом деле. Пробуждение свершилось. И вот наш собственный жалостливый разум пытается укрыть от нас самих это открытие. Он предпринимает невероятные усилия, строит целые лабиринты, сады расходящихся тропинок. Он выдает частное за целое. Сбивает нас с толку яркими деталями, подменяя ими вековую пустоту, что на миг предстала перед нашим взором. Спеша сохранить наш рассудок. Спеша утвердить нас в реальности. Мы видим, мы дышим, мы чувствуем, мы осязаем – и вот, уже кажется, что это был просто сон. И ничего больше...

Мурин говорил хорошо поставленным, актерским голосом, артикулируя на последних слогах, на манер западных СМИ.

Его монолог успокаивал Севу, обволакивал – как ватное одеяло. Он давал ответы на вопросы. Он разъяснял.

«Со мной все в порядке, – думал Сева, – так и должно быть. Это не психоз, не следствие депрессии или личной неустроенности. Это истинное, настоящее. Всегда пребывало во мне и всегда будет. Неужели я нашел, наконец, собственное предназначение?»

Будто прочитав его мысли, Мурин кивнул:

– Я хочу помочь тебе, Сева. Я хочу, чтобы ты пробудился. Раскрыл глаза. Это очень просто.

Дальше он повел речь о фокус-группе, которую собирает под эгидой своей организации, и о неких работах по изучению скрытых потенциалов человеческого разума. Среди прочего, озвучена была сумма, единовременно выплачиваемая всем участникам проекта.

В первый момент Севе показалось, что он ослышался. Но выражение лица Мурина было предельно серьезным.

– Собственно, ты можешь посмотреть на все сам. Если не прочь прокатиться на машине до моего офиса. И, конечно, если у тебя на сегодня не запланировано что-нибудь другое.

Министерство Внутренней Цензуры, что между левым и правым ухом, отчаянно семафорило в том смысле, что шальные деньги – это, конечно, хорошо, и Мурин-Альбинский – личность не сказать, чтоб смутная и совсем уж незнакомая – вон у замдиректора Шалевич на каком счету, а уж она небось из придирчивых! Но все же... Но все же... Не лучше ли отказаться, сославшись на крайнюю занятость? И убраться отсюда подобру-поздорову – «рубиллово-точка-ру» ждет не дождется своего героя, да и чем там закончилось с зомби-колдырями у героя культовой франшизы «Агрономикон» – совершенно необходимо узнать поскорее!

– Я не прочь прокатиться, – сказал Сева неожиданно для самого себя. – Никаких особых планов нет.

Мурин щелкнул пальцами, подзывая официантку.

– Тут и ехать совсем недалеко, – добавил он, подхватывая с диванчика свое пижонское пальто. – Водила ждет в переулке. Давай, Сев, допивай, и погнали!

10

Молчаливый водитель, комплекцией немного схожий с платяным шкафом, распахнул перед Севой дверь представительского «Бентли».

Затем обошел машину и проделал то же самое для собаки Мурина-Альбинского. Та, вильнув черным хвостом, устроилась по соседству с Севой.

Они ехали минут пятнадцать, светофоры, улицы и переулки сменялись за окном с такой частотой, что Сева оставил попытки хотя бы примерно представить, в какой район Москвы его везут.

Спрашивать у Мурина, благоухающего «Эгоистом» по соседству, как-то не хотелось.

«Еще решит, что у меня приступ паранойи. Хотя... так оно и есть!»

Наконец, «Бентли» притормозил перед шлагбаумом, за которым обнаружилось массивное здание, ярко блистающее стеклами широких панорамных окон, водруженное на длинный ряд титанических бетонных опор, по виду – один из многочисленных НИИ советской поры, какой-нибудь безымянный «почтовый ящик».

Сопровождаемый Муриным и его собакой, Сева миновал прозрачные двери. Кивнув скучающим на ресепшене охранникам, Мурин приложил к панели магнитный пропуск, отвел турникет и широким хозяйским жестом предложил следовать за ним.

Они миновали длинный коридор, вошли в лифт весьма футуристического вида. Лифт поднимался долго и величественно. На электронном табло, венчавшем панель с кнопками, неспешно сменялись цифры. На «шестерке» раздался мелодичный звон, и двери плавно разъехались в стороны.

Перед Севой открылся широкий холл подковой, покрытый мягким ковровым покрытием, с полудесятком дверей красного дерева – совершенно гладких, без ручек, но зато с магнитными панелями для пропусков. Двери чередовались с низкими диванами, с развешанными по стенам гравюрами на черных паспарту и стальными пепельницами, которые выглядели так, что казались побочными детьми космической гонки. На гравюрах изображалось что-то средневеково-рыцарское.

В самом названии организации «Стражи Поднебесья», несмотря на восторженные придыхания замдиректора Шалевич и представительность муринского транспорта, Севе помешало сначала нечто эзотерически-любительское, прекраснодушное подвижничество с легкой ноткой фанатизма. В глубине души, он скорее ожидал увидеть захламленный полуподвал, эдакий филиал магазина «Путь к себе», пропахший ароматическими палочками, мебель в котором заменяют стопки пестрых брошюр с каким-нибудь Ганешей на обложке, где портрет Кастанеды соседствует с основательно прокопченным бонгом.

Но муринский офис начисто опровергал эту первую ассоциацию, красноречиво говоря о том, что владелец его занимается вовсе не глупостями, а делом серьезным, основательным и, судя по всему, очень доходным.

Из полумрака выплыла стройная девушка, чья азиатская внешность подчеркивалась заколками-спицами и офисным вариантом платья-ципао. Препоручив Севу заботам секретарши, Мурин сообщил, что должен сделать пару безотлагательных звонков и покормить Зидду (кивок в сторону смиренно усевшейся на ковровом покрытии возле лифта черной зверюги), попросил чувствовать себя как дома и не скучать.

Сева не скучал. Расположившись на мягком диванчике, наслаждался острым несоответствием своего внешнего вида (мятый свитер и линялые джинсы) и окружающего интерьера. Когда секретарша принесла сигары и виски со льдом, несоответствие, достигнув критической отметки, перешло в стадию своеобразного психоделического опыта, вернее даже сказать, трипа.

Прихлебнув из стакана и пустив струю дыма в подсветку потолка в стиле «звездное небо», Сева окончательно расслабился и действительно почувствовал себя, как дома.

Но насладиться этим новым чувством Сева не успел.

Раздался мелодичный звон. Двери лифта плавно разъехались, и в холле появился человек, которого Сева меньше всего ожидал здесь увидеть.

Красно-черно-рыжие «перья» Жанны пребывали все в том же тщательно устроенном беспорядке, на щеках легкий, с мороза, румянец. Выглядела отлично.

Секретарша, соткавшись из полумрака, деликатно заступила девушке дорогу.

– Я на собеседование, – пояснила ей Жанна. – Мне на полтретьего назначено. Решила пораньше подъехать, ничего?

Секретарша успокоила ее в том смысле, что ничего страшного, и предложила занять любой диванчик из представленного широкого ассортимента. Шеф вот-вот подойдет, может быть, чаю или кофе?

Жанна отказалась и от чая, и от кофе и тут заметила Севу.

Вопросительно приподняв тонкую бровь, подошла:

– Вот так встреча! А ты тут какими судьбами?

– Привет, – Сева только теперь осознал всю нелепость своего образа, принялся тушить сигару, отодвинул стакан с выпивкой и как-то вдруг разволновался. – Да вот тоже... Вроде как на собеседование, или типа того.

– Тоже с Муриным вчера пообщался, значит?

Сева ответил неопределенным междометием в том смысле, что практически так все оно и было.

– Нас Артем познакомил, – сообщила Жанна, приземляясь на диванчик рядом с Севой. – Он вроде ничего такой дядька, увлеченный. А я как раз работу ищу. Думаю, ну прямо знак, надо сходить, глянуть.

– Тоже скрытыми ресурсами организма интересуешься?

Жанна, занятая содержимым своей обшитой длинной бахромой сумки, посмотрела на Севу, как на сумасшедшего:

– Ты о чем?

– Ну, я по поводу этого проекта, всякие там сноходческие дела, Кастанеда... да?

– Х-mmm, – Жанна вытащила из сумочки зеркальце, погляделась, поворачивая голову так и эдак. – Уж не знаю, чего тебе Мурин посулил, но я тут вроде как по своей специальности. Я, если ты помнишь, закончила полиграфический.

– Круто. Я вот тоже дизайнер. Рисую прикольные открытки.

– Я помню, ты мне вчера рассказывал.

– Да-а-а?

– Не отложилось в памяти? Это меня, в общем, не удивляет, учитывая твоё тогдашнее состояние.

– Да какое состояние, – обиделся Сева. – Так, выпили слегка. Все я помню прекрасно.

– И как замуж меня звал?!

– А такое было?!

– Ну да, ты как на крыше появился, с бутылкой наперевес, в шапке этой дурацкой, сперва пялился на меня с минуту, так что я уже волноваться начала. Потом сигарету попросил. А потом и предложение сделал. В весьма, надо отдать тебе должное, поэтических выражениях.

– И что же ты ответила?

– Что для начала неплохо бы узнать друг друга получше. И тогда ты принялся рассказывать, как в шестом классе вы играли в Троянскую войну на помойке возле школы. И ты выступил в роли Одиссея, заставив остальных тащить ржавый холодильник, символизиро-

вавший коня. Сперва история обещала быть довольно задорной, но потом ты, очевидно, сбился с мысли...

– Ужасно, – констатировал Сева. – Как-нибудь надо будет непременно дорассказать тебе эту историю. Может быть, сегодня? Сходим куда-нибудь после этого собеседования твоего, горячего шоколада попьем?

Жанна поочередно посмотрела на Севу, затем на затушенный в пепельнице сигарный окурок, затем на стакан, в котором неспешно таяли ледяные кубики. Ничего не ответила.

«Похоже, это провал», – привычно подумал Сева.

Тут, на счастье, появился сияющий Мурин. Без собаки. Зато в сопровождении очень необычных людей, господина и дамы. Отечное и рябоватое лицо господина украшала короткая борода, вернее сказать, щетина, изрядно прореженная сединой. Такая же седоватая щетина покрывала его голову. Облаченный в серый костюм свободного покроя, он был грузен и флегматичен, имел уставший вид и в целом напоминал ушедшего на покой пирата. У дамы были высокие скулы и недобро прищуренные глаза, волосы собраны на затылке узлом, и напоминала она строгую воспитательницу в закрытой школе для девочек.

– Здравствуй, Жанночка, – кивнул Мурин. – Вижу, ты пришла пораньше, отлично. Сева, познакомься, это Вегард, наш ведущий специалист... А это Гелена, она у нас отвечает за кадры. Они введут вас в курс дела. Сам я, к сожалению, должен ехать, как бы ни хотелось самому все вам тут показать и рассказать. Неотложные дела, форс-мажор... Надеюсь, ребята, скоро увидимся!

11

Вегард, несмотря на свой усталый и равнодушный вид, оказался довольно симпатичным малым. Он увел Севу в уютный кабинет, столь щедро украшенный растениями, что напоминал скорее небольшую оранжерею, усадил в мягкое кресло и предложил заполнить пару стандартных форм.

Вопросы, встретившиеся в них Севе, вызывали порой некоторое недоумение. К примеру, будущих участников муринского проекта, сама суть которого пока еще не до конца открылась Севе, спрашивали, не страдают ли они «морской болезнью», имеют ли опыт работы с картами Таро и не случалось ли им выигрывать в лотерею. Отчего-то интересовались, имеются ли в теле соискателя металлические протезы – пластины, штифты, болты, спицы и зубные пломбы. В целом эти вопросы не выходили за рамки рутинных опросников, которые приходилось пачками заполнять после окончания института, в ту памятную пору, когда Сева пытался определиться со своим будущим трудоустройством.

После заполнения форм Вегард немного поболтал с Севой насчет его нынешнего места работы, судя по всему, пытаясь аккуратно выяснить, сколь велика скрытая в нем тяга к кардинальным карьерным переменам. Сева в ответ деликатно дал понять, что проектом, о котором увлекательно, но туманно поведал ему Мурин еще в «Кофейнице», конечно, весьма заинтересован, но своей нынешней работой в целом доволен, и вообще хотелось бы узнать подробностей, а там, как говорится, поглядим.

Вегард кивнул, соглашаясь, и тему более не поднимал.

Последовала еще парочка письменных тестов, на этот раз предлагалось выбрать «свой» цвет из предложенного радужного спектра; затем выбрать наиболее понравившуюся фигуру из пары десятков разбросанных по листу кругов, звезд, спиралей и тетраэдров; после чего последовали роршаховские кляксы.

Муринский «ведущий специалист», ознакомившись с результатами тестирования, остался как будто доволен.

Севе сообщили, что с ним свяжутся завтра-послезавтра. Судя по всему, он прошел.

«Смартфон куплю, – подумал Сева, выходя к лифтам в сопровождении Вегарда. – Навороченный какой-нибудь... «Растения против зомби» качну! А то надоело уже эти строительные блоки укладывать, вон до самого Сатурна достраиваю – а оно каждый раз рассыпается, сколько можно?!»

Жанна как раз заходила в лифт. Подчиняясь внезапному порыву, Сева пролепетал что-то вежливо-прощальное Вегарду и стремительным рывком преодолел отделявший его от лифта сумрачный холл с гравюрами, прежде чем двери успели сомкнуться. Оказавшись внутри и как бы устыдившись своего сиюминутного порыва, на Жанну нарочно не смотрел, вид принял независимый и задумчивый.

Но когда на табло, венчавшем панель с кнопками, пятерка сменилась на четверку, все-таки не выдержал:

– Ну как, прошла?

– Похоже, провалила, – скорбно сообщила Жанна.

– Да ну-у?

– Ну да. А ты?

– Не знаю. Сказали – позвонят, если что.

– Мне и такого не сказали. Блин. Зря только время потеряла.

– Ну, попытка не пытка, – сказал Сева, чтобы хоть что-нибудь сказать. – Все равно же опыт...

– У меня этого опыта – вагон и маленькая тележка.

– Понимаю... Ты все равно не переживай. Все через это проходили. Все будет клево, гарантирую!

– Угу.

Помолчали. На табло замигала цифра «2».

– Настроение паршивое, – сказала Жанна.

– Насчет горячего шоколада все в силе.

– Не люблю горячий шоколад.

– Давай тогда шаурмы у метро купим. С капусткой квашеной, с майонезом, с огурчиками солеными. Слопаем штуки по две, кефиром запьем – сразу все мысли о работе на второй план уйдут. Лишь бы добежать...

– Да ты шутник прямо.

– Ну, у меня бывают моменты.

На табло замигала цифра «1».

– Знаю тут кафе одно неплохое неподалеку, – сказала Жанна. – По чашке чая цветочного. Он отрезвляет, токсины выводит. А то от тебя перегаром за версту несет.

– От меня?? То есть я хотел сказать «ура!».

– Но только по чашке! И исключительно ради того, чтоб узнать, чем у вас там дело с холодильником и троянской осадой закончилось.

– О-о-о, там было поистине эпично!

– Не сомневаюсь. И еще. Чур, одно условие...

– Слушаю и внимаю!

– Ты не мог бы в мою сторону не дышать, пожалуйста! Спасибо.

12

Они выпили по чашке цветочного чая. Потом еще по одной. А потом еще заказали вафли с черничным соусом. И мятное мороженое с шоколадной стружкой.

Оказалось, у них есть и еще кое-что общее, кроме знакомства с любителем розовых рубашек артдиректором Артемом Палычем и исследователем скрытых потенциалов человеческого разума, полиграфическим королем Януарием Муриным-Альбинским.

Оба считали, что Ф. Андропофф и его «Агрономикон» – это очень круто, хотя и отдает каким-то безумием. Оба считали, что книжная серия Беладонны Фламберг про ведьмачку Беллу и старшеклассника Эдуарда – это просто мрак.

Оба считали, что в «Лосте» самый симпатичный Соьер, хоть он и мерзавец.

Оба не любили овсянку.

И предпочитали маслины – оливкам.

Еще сошлись на том, что «Артур», конечно, во всем уступает «Гладиатору», зато какая там отличная сцена, когда Клайв Оуэн стоит на холме, а остальные уезжают!

А самая страшная киносцена – это, конечно, в первой «Пиле», когда тот парень встает с кафеля и начинает играть музыка. Ну и еще каждый раз, когда в кадре появляется кукла Билли.

А самая смешная киносцена – когда Ник Фрост стреляет в воздух с криком «А-а-а!».

Впрочем, с «Твин Пиксом» не сравнится вообще ничто на свете.

Потом как-то само собой получилось, что за окном сгустились сумерки и повалил снег.

Крутясь невесомым пухом, падал снег, цепляясь за семицветный Жаннин шарф искрящимися кристалльными звездочками. Все кружил и падал. Чистый, белый и какой-то на редкость настоящий, новогодний.

И ужасно не хотелось расставаться, хотя они добрели уже до самого двора дома, в котором жила Жанна, и за одним из этих ядовито-желтых окон дожидалась ее мама, звонившая на мобильный уже в третий, кажется, раз.

– Ну, пока?

– Пока...

– Стой-стой... У тебя на выходные какие планы?!

– Да никаких особо.

– Может, в кино?

– Можно попробовать.

– Угу. Было бы круто вообще.

– Ну, я пошла. А то мама уже изволновалась вся.

– Да, да. Пока!

– Пока!

Она направилась к подъезду, теряясь за хороводами снежинок, подрагивающих, танцующих на ветру.

Спрятав руки в карманы, Сева побрел к метро, с удовольствием глядя под ноги, на густой девственно-белый снежный ковер, хрустящий под ногами.

Сева потащился в сторону метро, чувствуя себя счастливым, как дурак. Хотелось приплясывать и подпрыгивать, стуча одной подошвой ботинка о другую. Хотелось беспричинно смеяться и даже, возможно, петь. Причем не из репертуара «Волколаков Перуна», а что-нибудь про солнечный круг и небо вокруг, и чтобы никогда не кончались – ни солнце, ни мама, ни «я»...

Еще полезли в голову какие-то непрошенные, в Интернете читанные полезные советы на тему первых свиданий, которые окрашены были теперь не в привычные тоскливо-серые

цвета отстраненного наблюдения за чьим-то чужим личным опытом, а заиграли яркими красками персональной причастности.

Сева рассеянно подумал, как глупы все эти советы по поводу выдерживания паузы и частоты телефонных звонков...

Он остановился. В панике зашарил по карманам. Вытащил телефон, уже осознавая бессмысленность этого жеста...

Номер! Он же не взял номер! Растяпа! Болван!!!

Развернувшись на каблуках, припустил в обратном направлении.

Сквозь снежную круговерть пробился, долетел писк клавиш домофона – Жанна набирала код.

– Жанна, стой!

Сева добежал до подъезда. Впереди, в дверном проеме, на фоне электрического света проступил стройный силуэт девушки.

И пропал.

Что-то темное и грузное загородило его. Не было лязга закрывающейся двери – кто-то мягко придержал ее. Но зато раздался сдавленный крик, который тотчас оборвался.

Двое каких-то угловатых, плечистых, одетых во все черное, тащили Жанну вниз по ступеням, схватив под локти. Один зажимал рот рукой. Другой хватал за руки.

Взвизгнув, затормозил у самых ступеней микроавтобус.

– Какого черта?! – крикнул Сева, чувствуя, как бешено колотится сердце, как предательская дрожь бьет по рукам.

Сева обнаружил свое присутствие. Один из похитителей оглянулся.

Сева задохнулся, пораженный узнаванием и неуместностью, несуразностью этого лица – здесь и сейчас.

Какой-то дурной сон, бред, галлюцинация!

Из-под надвинутой на лоб черной лыжной шапочки равнодушно смотрели глаза – усталые, отечные. Рябоватое лицо крупной лепки. Седоватая небрежная борода, вернее сказать, щетина... Всплыла в памяти краткая рекомендация Мурина-Альбинского: «Наш ведущий специалист» – специалист по каким вопросам?!

– Вегард!! Вы что делаете?!

Предоставив своему подельнику запикивать пытающуюся отбиваться Жанну в микроавтобус, Вегард, все с тем же усталым и равнодушным выражением на лице, двинулся наперерез Севе. Не спеша. Как-бы нехотя.

Подойдя, очень точно и сильно ударил под дых.

Сева согнулся пополам, судорожно хватая ртом снежинки и морозный ветер.

Следующий удар пришелся в нос. Боль была такая, что из глаз брызнули слезы, но на крик уже не хватило ни сил, ни воздуха.

Сева повалился в снег, беспомощный и жалкий.

Вегард постоял над ним, примеряясь для очередного удара. Оценив, что он уже не понадобится, сказал корчащемуся под ногами Севе:

– Обстоятельства переменились. Мой совет – не суйся. Забудь.

Подышал на озябшие руки, поглядел на микроавтобус. Подельник как раз задвигал дверь, кивнул ему, мол, все в порядке.

Вегард вытащил из кармана маленькую коньячную фляжку, сделал глоток. Не завинчивая крышки, бросил фляжку Севе на грудь, забрызгав куртку:

– Залей тоску.

Микроавтобус взвизгнул шинами, взяв с места в карьер.

Остались только равнодушный хоровод снежинок и завывания ветра в колодцах новостроек.

Сева хлюпал носом, одной рукой держась за живот, второй шаря по земле, пытаясь подняться с колен.

Крошечные темные точки двумя узкими дорожками окропляли снег. Когда искры в глазах мало-помалу погасли, Сева присмотрелся и понял, что это его собственная кровь.

13

В полиции ему не поверили. Присмотрелись получше, принялись к пропитавшейся коньяком куртке. Посоветовали пойти и хорошенько проспать.

Он попробовал поспорить. Посоветовали не нарываться.

Сева позвонил по номеру, который дал Мурин-Альбинский, – хорошо поставленный механический голос сообщил ему, что номер заблокирован.

Сева позвонил артдиректору Артему Палычу. Два или три раза прослушал песню про насос и долгожданного Жору, которая заменяла Артем Палычу гудки ожидания.

Позвонить родителям не решился. Не хватало теперь еще и этим «грузить».

Решил, что перво-наперво надо умыться, привести себя в порядок.

Голосовал у «зебры» минут двадцать, трясаясь от холода, попеременно пряча руки в карманы куртки. Машины замедляли ход, давая водителям возможность присмотреться к облику голосующего, затем подбавляли скорости, проезжая мимо. Никому не хотелось связываться.

Наконец, затормозила разбитая «шестерка». Сидевший за рулем южный человек задал только один вопрос: «Дорогу покажешь?» Остальное его не интересовало.

Добравшись до дома, Сева несколько минут возился с ключами и дверным замком – тряслись руки.

Когда, наконец, открыл, ввалился в прихожую, на ходу стаскивая куртку...

Споткнулся обо что-то.

На половике стояли грязные, густо перемазанные глиной и снегом, высокие охотничьи сапоги. Снег на них еще не успел растаять.

На кухне горел свет.

Сева точно помнил, что, уходя, не мог оставить свет на кухне включенным. У него всегда был пунктик по части закрученных кранов и остающихся под напряжением электроприборов.

Сева так смертельно устал, что, войдя в кухню, даже не удивился. Даже не испугался.

За столом сидел незнакомый человек. Сутулый, худощавый, носатый, в длинном, не по погоде плаще-макинтоше, измазанном землей.

Незнакомец ел яичницу прямо со сковородки, жадно глотал, скребя вилкой, подцеплял кусок за куском, отправлял в рот.

Увидев Севу, распрямился. Сглотнул.

– Ого, – сказал незнакомец. – А тебя тоже потрепало, как я погляжу. Где ты так умудрился?!

– Кто вы такой? – устало прислонившись спиной к дверному косяку, спросил Сева. – Что вы тут делаете?

– Тебя жду, – незнакомец отодвинул сковородку. – Извини, что я тут похозяйничал... Жрать хотелось просто зверски. Не смог дождаться. Сутки на ногах – искал тебя, искал по всему городу... Потом еще там проблемы возникли... Ну, это неважно... Ты извини, что вломился без спросу, без предупреждения... Другого выхода не было... Но с тобой-то что приключилось?! Кто тебя так, а?!

Незнакомец встал из-за стола, подался вперед, прищурился, разглядывая Севин нос.

– Я спросил, кто вы такой?! – Сева попятился.

– Меня зовут Гирбилин, – сказал незнакомец. – И я приехал за тобой, Сева. Приехал, чтобы тебе помочь.

14

– Убирайтесь, – прошипел Сева, продолжая пятиться по коридору. – Проваливайте сейчас же, слышите?!

Гирбилин поднял ладони в успокаивающем жесте:

– Сева, я действительно хочу помочь...

– Не нужна мне ваша помощь, оставьте меня в покое!

Пятясь, он дошел до прихожей и уперся в тумбочку с обувью. Устало опустился на нее, обхватил голову руками. Раскачиваясь взад-вперед, забормотал:

– Это какое-то безумие... Это все мне снится. Все это сон... И красный елочный шарик, и Жанна, и крутоны в «Цезаре», и этот зеленый как-его-там, лепреккон или Йода, с мешком подарков, и этот говнюк Вегард... и Мурин-Альбинский... И «Стражи Поднебесья», это все какое-то наваждение... Меня кто-то сглазил, не иначе! Это бред, бред... Просто нужно проснуться...

Вскинувшись, он с силой ущипнул себя за кисть левой руки. Взвыл от боли.

– Это не сон, – сказал Гирбилин. – Если хочешь, я уйду. Но разреши хотя бы на твой нос взглянуть? Он, похоже, сломан.

– У-у-у, – продолжая раскачиваться, причитал Сева. – Сгинь, сгинь. Пропади! Это какое-то наваждение, это какое-то проклятье, меня, наверное, сглазили...

Гирбилин прищурился, беззвучно прошептал что-то, двигая одними губами.

– Да вроде нет, – сказал он. – Ты не проклят. Можешь мне поверить. Я в проклятиях разбираюсь.

– Вы кто, победитель «Битвы экстрасенсов»?

– В этой битве, – по худощавому и небритому, усталому лицу Гирбилина скользнула тень улыбки, – мне участвовать не приходилось.

– А в какой приходилось, в Куликовской? Или в какой еще, в Бородинской, может? Забил заряд я в пушку туго? Поделитесь впечатлениями, как оно там было?

– Как-нибудь непременно поделюсь, Сева, – серьезным тоном ответил Гирбилин. – Но, боюсь, до тех пор пока такие слова, как «Мельин», «Эвиал» или, к примеру, «Северный Хьервард», звучат для тебя пустым звуком, мои истории будут сильно проигрывать по части достоверности... Ты вот, кстати, говорил про елочный шар... Не про этот?

Сева отнял ладони от лица.

Гирбилин демонстрировал тот самый елочный шарик, который пытался всучить Севе в вагоне метро одноглазый старик. Шарик, который он отверг и который потом, неведомо каким образом, оказался у него дома, на его мини-елке.

Неужели это было всего пару дней назад? С тех пор, казалось, прошла целая вечность.

– Благодаря этой вещице я нашел тебя, – сказал Гирбилин. – Это что-то вроде маяка. Тот... человек, который дал его тебе...

– Подсунул его мне, – поправил Сева. – Мне этот шарик был на фиг не нужен! Старикан нес какую-то чушь, ахинею полную, и воняло от него, будь здоров как! Я нипочем не взял бы у него эту штуку...

– Тем не менее она оказалась здесь.

– Как и вы. Когда вы уйдете?

– Я уйду. Но сначала ответь, пожалуйста, на один вопрос. Ты только что упомянул неких «Стражей Поднебесья». Что именно тебе про них известно?

– Их главный пытался нанять меня на работу, – криво ухмыльнулся Сева. – Меня и еще одну девушку. А потом его подручный на моих глазах принялся запихивать ее в микроавто-

бус, зажимая ладонью рот. И зарядил мне по роже. Вот что мне известно про этих гребаных «Стражей»!

Гирбилин, казалось, переваривает эту информацию. Он снова принялся бормотать себе под нос что-то беззвучное. Заложив руки за спину, ссутулился, прошел обратно в кухню. Выглянул в окно, аккуратно, стараясь держаться за штору. Вернулся обратно в коридор.

– Значит, я опоздал, – пробормотал он. – Но почему в таком случае они не забрали тебя? Не понимаю... И эта девушка, как ее зовут?

– Жанна!

– Жанна, – эхом повторил Гирбилин. – Жанна... Нет, решительно не понимаю... Что-то изменилось. Что-то сместилось в расстановке фигур...

– О чем вы толкуете, черт бы вас побрал?! Какие еще фигуры? Они ее украли! Понимаете? Похитили! Прямо у меня из-под носа...

Гирбилин, потирая поросшую щетиной щеку, перевел на него рассеянный взгляд:

– Ты не представляешь, – сказал он, – как долго я ждал нашей встречи. Как готовился.

И вот, все пошло наперекосяк. Вообще все...

– Да уж, с этим, блин, не поспоришь!

– Сева! Ты должен рассказать мне обо всем. По порядку. Я прошу тебя. Это может быть очень важно. Важно не только для тебя или для этой девушки, Жанны... Но и для... – он всплеснул руками жестом отчаявшегося хирурга из анекдота, – ...для всего этого мира! Для всех миров... Хмарь заberi, как же объяснить! Я так долго готовил эту речь... А теперь счет идет на часы. Нет времени, совершенно нет времени... Прошу тебя, расскажи, что с тобой произошло? По порядку. А потом – если захочешь, я уйду. Я должен знать. Это будет справедливо, в конце концов, чтобы оказаться здесь, я преодолел очень долгий... очень долгий путь, Сева.

Сева не чувствовал ничего, кроме предельной, отупляющей усталости. Он не понимал, что ему делать, к кому обращаться. А суматошные события прошедших дней крутились перед глазами безумным калейдоскопом, будто ища выхода. Ему нужно было с кем-то поделиться.

«Какая, к черту, разница?» – подумал он.

И Сева стал рассказывать. Устало, но обстоятельно и по порядку. Уже никуда не спеша и ничего не боясь. Он просто устал бояться.

15

Когда Сева закончил свой рассказ, за окном уже занимался рассвет – за обледенелыми ветвями деревьев затеплилось, заалело. Алые тона переходили в насыщенное золото, прорываясь сквозь завесу зеленоватых облаков. Рассвет напоминал пробуждающегося фантастического змея, медленно распускающего кольца длинного тела, мерцающего многоцветной чешуей.

Сева рассказывал долго, старался не упустить ни единой детали. На этом настаивал Гирбилин.

Дважды они прерывались, чтобы выпить пустого чаю с черствым печеньем-соломкой. Кроме нее, ни в буфете, ни в холодильнике ничего не нашлось. Не было еще до неожиданного явления Гирбилина, которому повезло – досталась залежавшаяся четверка яиц. Даже сахар закончился, все не доходило руки купить.

Сева рассказал про все. Даже про Те-самые-сны. Даже историю с ржавым «троянским» холодильником, которая так понравилась Жанне. Даже о том, какие у нее глаза. Как они меняют свой цвет – с холодной морской зелени, равнодушной и безучастной, до травянисто-зеленого блеска, будто листва на солнце – веселая, утверждающая жизнь.

Закончив рассказывать, Сева устало откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Некоторое время молчали.

Гирбилин стоял, привалившись к холодильнику, задумчиво постукивая ненадкушенной соломкой по нижней губе.

– Я знаю, зачем им понадобилась Жанна, – сказал он, наконец. – И знаю, куда они ее увезли.

– Знаете?? Но откуда?!

– Оттуда же, откуда знаю, что за внезапный «форс-мажор» помешал Мурину провести с тобой остаток этого так называемого «собеседования» лично. Не случись этого форс-мажора, он бы не стал перепоручать это дело своему цепному псу. Так же, как и похищение девочки. Не в его стиле.

– И?! Что ж это за форс-мажор?!

– Я, – Гирбилин улыбнулся.

Странная это была улыбка. Что-то неправильное было в том, как этот некрасивый, сутулый, носатый и, судя по всему, уставший еще больше, чем его собеседник, человек растягивал свои бледные тонкие губы, открывая ряд белых, но неровных зубов.

Севин неожиданный гость не привык, не умел улыбаться.

«Да ведь они все похожи, – подумал Сева, – такие разные, но у всех есть что-то общее. Тот безумный старикан из метро. И Мурин. И его приятели – эта бабища с постным лицом, и костолом Вегард... И вот он, Гирбилин... Их всех связывает некая общая черта. У них у всех что-то звериное во взгляде. В манере. В поведении. В них во всех что-то... нелюдское, чужое...»

– Мы с этим Муриным, – добавил Гирбилин, гася свою неправильную улыбку так поспешно, будто застеснялся ее неуместности. – Старые приятели. Вернее сказать, старые неприятели. Нас с ним многое связывает. Общее прошлое. Общие тайны. Взаимная ненависть.

– И вы знаете, где он? Вы знаете, куда они увезли Жанну?

– Да, – кивнул Гирбилин. – А самое главное, что это знаешь и ты. И по этой причине я здесь.

– Я вас не понимаю. Где она?? Объясните же толком!

– Есть такой город, Хмарьевск. Большой город, некогда великий город. Он и назывался раньше иначе... Он мог бы стать мировой столицей, местом, куда ведут все дороги, оплотом цивилизации, средоточием порядка... а превратился в скопище разнообразного сброда, устроившегося посреди болот. Превратился в прореху, через которую проникает в мир всякая дрянь. Всяческая Хмарь.

– Первый раз слышу. Это где, в Сибири где-нибудь? У меня там дядя живет.

– Нет, – сказал Гирбилин. – Это не в Сибири. Это вообще не на Земле. Не на ЭТОЙ Земле.

– Ну, понесло, – Сева покачал головой. – Сначала старик, потом этот хренатор Мурин, теперь вы... Везет мне на сумасшедших!

– Чему удивляться? – Гирбилин с хрустом откусил от соломки. – Мы живем в сумасшедшие времена.

– Вы не сказали, где он находится, этот ваш Хмаровск, или как его. Не на Земле – это типа где? На теневой стороне Луны? По соседству с Четвертым рейхом и базой маленьких зеленых человечков?

– Ведь ты был там, Сева, – Гирбилин, безмятежно жуя, с прищуром поглядывал на рассвет за окном. – Ты был в Хмарьевске.

– Да ну?

– Ты бывал там очень часто. Почти каждую ночь. Ведь это и есть он, тот самый город из твоих снов.

16

– Ну да, конечно, – кивнул Сева. – Теперь-то я понял. Каждую ночь я тусил в этом вашем Комарьевске. А луна сделана из зеленого сыра. А у алжирского бея под носом шишка.

– Мы плетем ту паутину, что не пропускает свет ваших солнц, – вполголоса начал Гирбилин. – Мы – те, кто обращает в пепел ваши сны. Те, кому не нужны причины...

– Те, – прошептал Сева, разглядывая чайники, прилипшие к донышку чайной кружки, – кто разбивает зеркала окон и следует за струнами, свитыми из дыма и слез...

– Мы вышли ниоткуда. Уходим в никуда... Мы...

– Равновесие, – заключил Сева.

– Откуда в тебе эти слова?

– Без понятия, – Сева дернул плечами, будто сбрасывая с себя остатки внезапного наваждения. – Какая-то абракадабра, чушь...

– «Абракадабра», говоришь? Охранное заклятье. Ну да, отчасти, так оно и есть. Эти слова теперь почти забыты, но древняя сила, стоящая за ними, не ушла. И страшно представить, скольким мирам уготована была бы гибель – долгая и мучительная, страшная гибель... Если бы не эта сила.

– Я вам не верю, – процедил Сева. – Я. Вам. Не. Верю.

– У тебя есть как минимум три причины поверить мне.

– Это, какие же, интересно?

– Во-первых, это ты... Ты сам вызвал меня.

– Ну да, конечно. Дело было вечером, делать было нечего. Сперва-то я хотел заказать пиццу «четыре сыра» и пару банок «Левенбрау», а потом думаю – ну а чего мелочиться-то? И заказал сумасшедшего с таким именем, что язык сломаешь. А какие же две другие?

– Во-первых... Неужели ты никогда не мечтал о том, чтоб оказаться в этом городе, городе твоих снов? Пройтись по его улицам, вдохнуть его воздух? Неужели? А во-вторых... Ты ведь хотел бы снова увидеть Жанну?

Сева промолчал.

– А по поводу имен... – хмыкнул Гирбилин. – Ты в паспорт-то свой давно заглядывал, Северин Севастьянович?

Некоторое время они смотрели друг на друга.

Двое смертельно уставших людей. Двое сумасшедших в сумасшедших обстоятельствах, всю ночь до рассвета проговорившие, сидя в тесной кухне панельного дома. О вещах, сколь нестандартных, столь и пугающих.

Северин первым начал смеяться.

Смех был совершенно противоестественный, никак не соответствующий теперешним его обстоятельствам.

Но он смеялся и вместе с тем чувствовал, как отпускают сердце невидимые холодные когти, как приходит долгожданное облегчение. А вместе с ним – спокойная уверенность. Он сможет преодолеть все это безумие, сможет распутать этот клубок. Все это не случайно и не бессмысленно.

Все это было предначертано ему.

Он, Сева Демихов, по паспорту – Северин Севастьянович, закоренелый неудачник, эльфийка-дамагер пятьдесят третьего уровня, поклонник фолк-думовского коллектива «Волколаки Перуна» и книжной франшизы «Агрономикон», чья основная работа заключалась до недавнего времени в том, чтобы рисовать прикольные открытки (степень «прикольности» которых неизменно определял какой-то надутый павлин в розовой рубашке).

Он, успевший к своим двадцати с небольшим убедиться, что жизнь скучна, предопределена и, по большому счету, лишена хоть какого-нибудь внятного смысла, а потому привычно тративший ее на какие-то глупости... Теперь убеждался в обратном.

И даже если нет никакого прока в том, чтобы искать логику и смысл, живя в безумные времена...

Даже если судьба, предначертанная тебе от века, – мрачна, а твой долг – суров. И в конце пути тебя ждет не принцесса, не широкая свадьба, каравай с солонкой и мед-пиво по усам, а могильный холод и пыль забвения...

Стоит попробовать. Стоит попытаться поверить.

Потому что настоящий герой, начиная свой путь, всегда знает, что окончится он – каменным надгробием и дремотными объятиями пыли, уравнивающей все и вся.

Настоящий герой ищет себе не славы, любви, золота или бессмертия, но Смерти.

С этого начинается он свой путь, становясь – Героем. Во всех иных случаях оставаясь лишь заурядным фольклорным элементом.

Часть 2

Хмарьевск

1

Дорога до места, которое Гирбилин назвал «Точкой Перехода», обещала занять минимум часов пять. Сначала на электричке в область, потом еще предстояла небольшая пешая прогулка через подмосковные сугробы и заметенные снегом садовые товарищества.

– Советую тебе одеться потеплей, – сказал Гирбилин.

Северин окинул оценивающим взглядом его макинтош, густо перемазанный грязью, никак не соответствующий сезону:

– Сами-то не замерзнете?

– За меня не волнуйся.

Северин только плечами пожал. Стал собирать вещи. Потом внезапно вспомнил нечто важное... Для того чтобы составить для родителей имейл, ушло минут двадцать. Никак не удавалось поймать нужный тон. Постоянно прорывались какие-то летаргические высокопарные нотки, придававшие письму привкус суицидальной записки. После продолжительной редактуры удалось составить нечто условно-бодрое, обнадеживающее. У меня, мол, все «о'кей». Собираюсь тут развеяться, устроить себе каникулы. Что-то вроде турпохода. Вырваться на природу, отдохнуть от мегаполиса. Места там хорошие, безопасные и проверенные – только телефон там почти не ловит. Ну, совсем не ловит. Если что – не волнуйтесь. Как вернусь, сразу наберу. С наступающим, дорогие мои!

Вроде порядок. Отослал. Теперь собираться...

– А что брать-то?

Окинул взглядом свою комнатку... Ноутбук? Если верить Гирбилину – там, куда они собираются, зарядить его не представится возможным. Коллекцию романов про Агроманта? Будет ли у него время их перечитывать? MP3-плеер с подборками «Жнецов» и «Волколаков»...?

Гирбилин молча протянул ему елочный шар:

– Боюсь, это единственное, что ты сможешь взять с собой.

– Вы меня разыгрываете?

– Это вещь пришла оттуда, с Той стороны. Переход в том его виде, который предстоит нам, – это чрезвычайно сложный процесс, сопряженный с...

– Даже не рассказывайте.

Северин повертел елочный шар в пальцах. Поглядел на собственное кривое отражение в нем. Завернув игрушку в лист бумаги, сунул в карман куртки:

– Значит, путешествуем налегке?

Гирбилин кивнул.

– Я ведь могу никогда уже сюда не вернуться, да?

– Такое возможно. Не хотелось бы тебя пугать раньше времени. Но в этой игре смерть – не самый худший финал. Ты должен быть точно уверен в том, что готов совершить Переход. Если ты передумал...

– Я не передумал. Просто мне нужны ответы. Я хочу, чтобы вы мне объяснили... Куда мы, к чертовой матери, направляемся?!

Гирбилин прошелся по комнате, сел в компьютерное кресло. Покрутился в нем.

– Ладно, – сказал он. – Мурин, и его подручные, и вся его организация «Стражи Поднебесья»... Их влияние распространяется не только на этот мир. На Терру, как они... как мы все ее зовем. Есть и другие, Северин. Великое множество миров. Есть миры, где луна красна, трава подобна тусклому серебру, а горы переливаются перламутром. Есть миры, еще не затянутые панцирем асфальта и бетона, девственные и голые. А есть такие, где бетон и асфальт растрескались, и сквозь него прорастает новая жизнь – уродливой колючкой, перекрученными побегами. Есть миры, где магия разлита повсеместно, и есть миры, магией выжженные дотла. В иных из миров кровь ядовита, как кислота, а есть такие, где кровь – драгоценный деликатес. Есть миры, где солнце красно, как зрачок упыря, отливающие тусклым серебром, побеги растений норовят ухватить тебя за глотку и задушить, а перламутровые лезвия гор вспарывают низкое небо. Есть миры, неотличимые от Земли, или Терры, как называем ее мы. Неотличимые, за исключением деталей. Та реальность, в которой обретается Хмарьевск и куда Мурин и его подручные утащили Жанну, – это альтернативная версия вашей. Не Терра, но Альтерра. Это ваш мир, ваша Земля, какой она могла бы быть, если... Если добавить единственную деталь.

– Какую же?

– Всего лишь щепотку магии.

– Эльфы-дамагеры пятьдесят третьего уровня, м-м-м?

– Я мог бы рассказывать об этом часами. Но не лучше ли тебе все увидеть самому?

– Откуда он вообще взялся, этот ваш... как его там? Весь этот параллельный мир... Это же не укладывается в голове просто! Как вы, вообще...

– Дело привычки, – пожал плечами Гирбилин. – Есть миры, где вода тверда, а листья на деревьях искрятся, как алмазная крошка... Есть такие, где нет ничего, кроме разрушения и смерти. Миры-заповедники. И миры-помойки. Всю эту совокупность миров мы называем Упорядоченным... Среди них есть Закрытые миры. Миры, которые лишены магии.

– И кто же их закрыл?

– Почему бутерброд падает маслом вниз, а делить на ноль нельзя?

– Ясно.

– Я принадлежу к тем, кто пытался дать ответ на этот вопрос. С давних пор пытался. Еще очень давно. Невозможно давно. Как, по-твоему, сколько мне лет?

– Ну, за тридцатник где-то, а что?

Гирбилин улыбнулся своей неприятной улыбкой.

– За сорок? – предположил Северин.

– Больше, – печально вздохнул Гирбилин. – Гораздо больше. Мы – те, для кого на первом месте стоит Равновесие. Мы адепты Недеяния. Древний орден, у истоков которого стоят Истинные Маги. Двое. Владыка Тьмы, Черный Дракон. И Познавший Тьму, Коричневокрылый Сокол. Те, кого само Упорядоченное выбрало себе в хранители и защитники. Те, кого ныне именуют Новые Боги. Те, кто обороняет мир от адептов Хаоса. Тебе приходилось слышать про Атлантиду?

– Ну-у... Она вроде как утонула.

– Это было только начало. Первые пробы пера. Они всегда были безумны – те, кто посвятил свою жизнь служению Хаосу. Мурин-Альбинский, по меркам вашего мира, – глубокий старик. Пусть тебя не обманывает его моложавая внешность. Но по меркам Упорядоченного, он сущий младенец. И он лишь неумелый подражатель. Имитатор. Как туземцы, строящие из тростника и грязи скульптуры в форме виденных когда-то бомбардировщиков Белых Людей, адепты карго-культа, которые, повторяя форму, надеются вдохнуть в нее прежнее содержание. Надеюсь, что, если приложить достаточно усилий, их слепленные из дерьма и палок самолеты вознесутся ввысь. То же самое Мурин-Альбинский проделывает с теми крупницами забытой и запрещенной магии Хаоса, до которых удастся дотянуться

его жадным лапам. Его кумиры, истинные маги-хаоситы, были повергнуты давным-давно. Новые Боги Упорядоченного, Владыка Тьмы и Познавший Тьму, смогли остановить их. Мурин-Альбинский надеется, что, продолжая дело тех, кого удалось повергнуть Новым Богам, обеспечит себе бессмертие и абсолютную власть. Безумец... Те, древние хаоситы, как и мы, adeпты Равновесия, тоже пытались выяснить механизм «закрытия» и «открытия» миров. Но они пошли дальше... Они никогда не стеснялись в средствах. В результате их действий примерно две тысячи лет назад по вашей хронологии произошла катастрофа, последствия которой волнами прокатились по всему Упорядоченному. Появилась Другая Земля. Та, где магические силы живы, где они питают бытие мира. Там и расположен Хмарьевск. Туда мы и направляемся.

– Стойте-стойте... Вы налегаете на то, что наш мир вроде как закрыт. Тогда каким образом Мурину удалось через него прорваться туда, в этот Хмуревск?

– Хмарьевск, – поправил Гирбилин. – Есть определенная категория людей. Там, откуда я родом, такое называют Даром. Или Судьбой. В вашем мире, скорее всего, назвали бы причудой генетики или уникальной мутацией. Врожденная возможность обходить вековечный запрет. Тот, кто обладает этим талантом, может перемещаться между мирами.

– У Мурина, конечно, есть такой талант?

– Такой талант есть не только у Мурина, – Гирбилин подцепил из лежащей на столе пачки очередную соломку и указал ее кончиком на Севу. – Он есть и у тебя.

– Всему причиной эти мои сны, да?

– Твои сны – это, если можно так выразиться, лишь побочный эффект. Это напоминание. Ты никогда не принадлежал этому миру. Судьба твоя связана не с ним, но с судьбой Упорядоченного в целом. Это в твоей крови. Много-много поколений назад, должно быть, устав от скитаний между мирами, твой далекий предок решил осесть здесь, на Терре. Поколения сменялись, и завещанный им Дар никак не проявлял себя. Пока не родился ты. Твои сны всегда были с тобой, с самого младенчества, верно? В тебе всегда была эта связь – с тем магическим двойником Терры, куда нам предстоит отправиться.

Северин кивнул.

– Меня не покидает ощущение, что я сплю, – сказал он. – Что все это какой-то дурной сон, бред. Наверное, я валяюсь с температурой в собственной кровати. Завтра я проснусь и пойму, что ничего этого не было. Ни корпоратива, ни Жанны, ни вас... Но если это и впрямь сон... то чем я рискую? А если нет – что мне остается? Я готов... Поехали к этой вашей Точке Перехода.

2

Они сошли с электрички на затерянной посреди леса платформе. Спустились по хлипкой ржавой лесенке, побрели по заметенной снегом дороге к дачному поселку.

Северин постарался одеться наиболее соответствующим для предстоящего им предприятia образом. Но уже на двадцатой минуте прогулки загреб за голенище левого «мартинса» изрядную порцию свежего снега, почувствовал, что смертельно устал, замерз и хочет вернуться назад, в Москву, домой, в тепло...

Они брели и брели, мимо потянулись выступающие из сугробов штакетники, уснувшие до самой весны дачные «ивановские» домики. Через заборы свисали, пригибаясь от тяжелого снежного груза, голые ветви яблонь и слив. Все участки были похожи друг на друга, как близнецы. Непонятно было, как Гирбилин тут ориентируется.

Но вот он, наконец, остановился. Снег у потемневшей от времени калитки был потоптан.

Северин подумал, что этим самым путем, вполне возможно, его спутник пришел в их мир, чтоб вторгнуться – незванным гостем – в его, Северина, скучную и бестолковую жизнь. Впрочем, незванным ли? Или...

Гирбилин освободил петли калитки от массивного ржавого замка. Оглянулся по сторонам. Пустая предосторожность. В поселке, кроме них, не было ни единой живой души.

Хрустя снегом, проваливаясь по щиколотку, они побрели мимо двухэтажного домика с расписанной морозными узорами застекленной террасой.

Гирбилин уверенно шел к дальнему краю участка, где приютился покосившийся серый сарай.

– Только не говорите, что эта ваша Точка Перехода расположена в сортире...

– Хозяюшко-батьюшко, пусти ночевать, – пробормотал Гирбилин, отпирая замок на сарае, со скрипом распахнул дверь, кивком предложил следовать за ним. – Это не сортир... Это – баня.

Внутри было темно и тесно. Гирбилин, гремя ведрами и задевая локтями за штабеля ящиков, протиснулся на середину помещения, опустил на корточки, спиной к Северину, и завожился там, подцепив ножом что-то примерзшее, громко хрустнувшее, со скрипом растворил что-то, с шорохом передвинул...

Северин почувствовал странный запах. Пахло прелой листвой, забродившими яблоками, пахло болотной тиной, застоявшейся водой, плесенью и грибами... Запах резкий и в то же время приятный, какой-то... Какой-то «свой», родной, близкий.

– Точка Перехода, – распрямляясь, прошептал Гирбилин.

Северин подошел, прищурился, вглядываясь в полумрак.

В дощатом настиле пола был люк, рядом лежала сдвинутая крышка.

Запах тины и плесени исходил оттуда, из темного провала, снизу.

Там, внизу, во тьме, что-то маслянисто поблескивало и плескало, сдавленно булькало, словно и не стояли за дверями сарайчика предновогодние минусовые температуры; словно тут, в этой затерянной посреди укутанного снежным одеялом дачного поселка бане, действовали свои природные законы.

– Но это, – пробормотал Северин. – Это же... яма. С водой. То есть я хочу сказать, а где портал? Врата, или я не знаю... Или там, типа, шкаф с шубами, в который заходишь, а выходишь, и вот уже на пригорке сидит чувак с копытами и играет на дудочке!

– Ты разочарован?

– Разочарован?! Да я с вами свихнусь совсем. Пойдите... Вы что хотите... Чтоб я туда прыгнул? Туда, вниз?!

Не говоря ни слова, Гирбилин принялся стаскивать сапоги.

– Эй, вы чего делаете? Вы же не всерьез, да?

Гирбилин не ответил, постучав сапогами один об другой, отряхнул от снега, аккуратно поставил в угол:

– Другого пути нет, Северин. Надеюсь, ты умеешь плавать?

– А раньше, блин, нельзя было спросить?! А если не умею?!

– Это шутка, – Гирбилин уже избавлялся от своего мятого макинтоша. – Уметь плавать вовсе не обязательно.

Гирбилин, аккуратно сложив грязный плащ, пристроил его к сапогам. Остался в растянутом свитере с воротником под горло. Подошел к Северину, положил широкую ладонь ему на плечо:

– Ты готов?

– Стоп... Стоп... Нет, я не готов! Погодите, эта штука... Черт, она мне не нравится, я в нее не полезу, да ни за что на свете! Я не настолько выжил из ума, я не...

Пальцы Гирбилина вдруг сжали его плечо с необыкновенной силой. Вторая рука, совершив обходной маневр, обхватила его поперек туловища. Одним решительным рывком Гирбилин оторвал его от пола, и...

– ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?!

3

Северин с оглушительным плеском вошел в воду. Вода была темная, мутная...

Сердце замерло. Он ожидал, что вода будет совершенно ледяной, обжигающе холодной – ведь на улице мороз, снег, зима!!!

Но вода была теплой, вязкой и густой, как бульон.

Вода, приняв Северина в свои теплые объятия, потащила его вниз и вниз, все глубже и дальше. Потянула его, как болотная трясина. Вода коснулась плеч, лизнула шею, сомкнулась над его головой...

Он в панике распахнул рот, мириады пузырьков мелькнули перед глазами.

«Конец! – подумал Северин. – Сейчас задохнусь! Безумный хренатор утопил меня!»

А в следующее мгновение он понял, что никакой воды вокруг нет.

И он летит. В свободном падении он несется сквозь клубящуюся тьму.

Навстречу неизвестности.

Навстречу миру, в котором магия разлита повсеместно.

4

Хмарьевск стоит среди лесов и болот.

Переменяясь заросшими ряской хлюпающими впадинами, высятся крутые холмы, поросшие соснами и елями, усыпанные хвоей.

Холмы возносят вверх стены Хмарьевска – некогда белые, теперь же потемневшие от дождей и затянутые пеленой мха. Служат опорой суровым башням, сквозь камни которых прорастают вьющиеся сорняки и осклизлые бледные грибы.

Холмы олицетворяют все самое лучшее и важное, что есть в городе.

На вершине самого высокого из них – Хмарьевский Кремль. Мрачный замок, вершина, окутанная туманом, сквозь который едва проглядывают вычурные зубцы, узкие бойницы, башенные шпили и венчающие их флюгеры.

Место, куда закрыт доступ простым смертным. Средоточие паутины, опутывающей все окрестные земли – от земель Великого Ильменя на севере до земель Мокшанского племенного союза на юге.

Хмарьевский кремль. Средоточие силы и мудрости. Все лучшее, твердое, надежное. Надежда и опора. Последний оплот.

Болота и низины, в противовес холмам, наполняют город обманчивым туманом и ордами назойливой мошкар. Болота наполняют город запахом гнили и привкусом предательства.

От болот – все худшее, что здесь есть. От болот – орды попрошаек на улицах, лужи и грязь вместо проездных дорог, дурачки с бубенчиками, проповедующие о конце мира, ярмарочные воры и наемники, за звонкую монету готовые перерезать глотку любому. В низинах берет начало промозглое чувство слабости и незащищенности. Неизбывная тревога за свой кусок хлеба и свое завтра. Все худшее, все зыбкое и слабое, все переменчивое и лживое.

Жители Хмарьевска – потомки разрозненных племен, лесных и болотных жителей. Предки их бортничали, рыбачили и охотились в своих чащобах, пока Великие Потрясения не пришли в мир. Пока в мир не пришла Магия.

Выстроив свой город, веками они плодились и смешивались, кипела и бурлила хмарьевская уха, вбирая в себя всех – и окрестные дикие племена и приходящих с караванами заморских гостей. В том числе нелюдей, визитеров и беглецов из иных миров. Те плодились и смешивались, множили кланы, рода и гербы.

Погрязали в язычестве, не признавая ни Молодых, ни Старых, ни Новых Богов. Поклоняясь издревле культам стихий, вместившим в себя осколки верований всех тех, кто пополнил собой пестрое хмарьевское племя.

Поклонялись в основном Пятерым Духам-Хранителям. Злым, воинственным и мелочным, ведущим, как и их ярые адепты, бескомпромиссную борьбу между собой.

Йогдум – древний дух магии, покровитель чародеев, алхимиков, звездочетов, черно-книжников и ведьм.

Тенабир – стремительный ветер, наполняющий паруса торговых и военных ладей, ведущий по хлипким городским крышам мастеров плаща и кинжала.

Лаахор – покровитель рудников и самоцветов, купцов и висельников, искателей легкой наживы.

Гуафисс – воплощенный пламень, являющий себя и в углях домашнего очага, и в жаре плавильных печей, и в факелах неистовых погромщиков.

Вильвика – зеленая дева окрестных лесов, чье благословение слышится и в шепоте листвы, что скрывает созревшие плоды, и в жужжании медоносных пчел, и в звоне стрекоз над созревшими злаками, и в шорохе мягких ичиг разбойников по хвойному ковру.

А под сенью пяти Хранителей-Духов, между крутых лесистых холмов и зловонных болотных впадин, обреталось бесчисленное множество разрозненных кланов, династий, корпораций, торговых союзов, гильдий, шаяк, стай...

Древние и влиятельные Инлунги с их серебряным змеем на синем поле и Амофилы, сказочно богатые выскочки, с золотой осой на черном.

Гордые Спарнасы, на чьих вишневых знаменах вышиты белые грифоны. И Блазаны, с чьих зеленых одежд пучит глазки мудрая рыба-сом.

Галдары, обретающиеся под сенью крыл хищного беркута. И мрачные Брехуды, гербом своим избравшие человеческий скелет, не унимающийся в своей безумной пляске. И Арахнисы, на щитах которых перебирает восемью лапами всеведущий ткач.

И множество других, пусть и уступающих в могуществе, но столь же яро рвущихся к богатству и власти, плетущих интриги, вынашивающих планы, собирающихся с силами... Гордых и жадных, охочих до драки, продолжающих древние родовые распри...

Сарманысы и Одмары, Мясожуи и Землерои, Углееды и Шкурощипы, Зряги и Улаки, и прочие, и прочие, и прочие...

5

Широкая река Мошкарица, ленивая и полноводная. Воды ее укрывает туман. По берегам ее хрустит и перешептывается камыш с осокой. Берега ее – где головокружительно круты, величественны, а где – прорезаны унылыми, темными заводами, тесно обступаемыми вязами и соснами.

Здесь, в этих тихих затонах, находят приют контрабандисты и разбойники, мирные рыбаки и мечтательная ребятня.

Здесь всегда тихо. Здесь всегда полумрак.

И комары. Извечные комары, своим звоном настраивающие на особый лад.

Без мази, которой предусмотрительно снабдил Северина его проводник, здесь было бы совсем тяжело.

Комары на них не нападали, но вились окрест, звеня и жужжа, тараторя, назойливые и неотвязные.

Подходила к концу первая неделя пребывания Северина в Хмарьевске, а он все никак не мог привыкнуть – ни к местным запахам, ни к местным звукам. По-прежнему чувствовал себя здесь чужим.

Едва только он миновал Переход между мирами... Едва с громким всплеском упал в какое-то мелкое болотце, таящееся на дне оврага, каких здесь была тьма-тьмушая, как его атаковали запахи. Перегной, болотная тина, забродившие яблоки, застоявшаяся вода, плесень и грибы...

Его атаковали звуки – вернее, полное их отсутствие, звенящая лесная тишина, такая непривычная для городского жителя.

И еще, конечно, сразу же атаковали комары.

Гирбилин плюхнулся в бочажок следом за ним, забарахтался, пытаясь подняться на ноги:

– Хмарь заberi! Кажись, ногу подвернул...

У них получилось. Проскользнуть в щель между мирами, обмануть вековечный запрет, непреложные законы Упорядоченного.

По колено в воде, отплевываясь и отряхиваясь, они выбирались из болотца, затерянного в одном из бесчисленных оврагов и низин, что окружают великий город Хмарьевск.

Одежда, в которой они миновали Переход, истлевала и осыпалась на глазах.

Будто сами Пространство и Время спешили настигнуть их, поквитаться за дерзость, выместить – если не на хрупких человеческих телах, для возмездия недоступных, то хотя бы на одежде.

«Мартинсы», в которые был обут Северин, хлюпая и шипя, стремительно превращались в бесформенную массу, осыпались комьями, теплыми черными ручейками скользнули между пальцев ног, впитавшись в землю без остатка.

Северин вспомнил про опросник, который заполнял в офисе у Мурина-Альбинского. Вот, значит, для чего они интересовались наличием пломб во рту у соискателя?

Северин мысленно поблагодарил себя за то, что еще со школьных годов чудесных не забывал чистить зубы, строго по расписанию, утром и вечером.

Они стояли на дне лощины – двое совершенно голых мужчин, жадно втягивая ноздрями запахи леса, подставляя мокрую кожу ласковым солнечным лучам.

Что-то весело блеснуло во мху и осоке под ногами Северина.

Он нагнулся, подобрал рубиновый елочный шар – памятную игрушку из другой жизни. Единственное, что осталось ему от нее. Единственный предмет из его прошлой, московской

жизни; магический артефакт, ведущий свое происхождение отсюда, с Земли-Магической, будоражащей воображение Альтерры.

Поблизости от лощины у Гирбилина имелся тайник, устроенный под переплетенными корнями массивного дерева, поросшего седым лишайником, невозможной совершенно толщины – в таком стволе запросто поместилась бы вся Севина комнатка.

Из тайника был извлечен мешок с местной наличностью – звонким серебром и медяками – и сухая одежда – грубоотканые рубахи, широкие крашенные штаны, высокие сапоги, длинные накидки с капюшонами.

Гирбилин пояснил: в таком виде они не привлекут к себе внимания, так одевается половина хмарьевских обывателей.

Одевшись, отправились в город. И чем реже становился окрестный лес, тем отчетливый нарастал звук города – скрип тележных колес, ржание лошадей, визг лебедек, стук топоров, звон посуды, лязг колодезных рычагов, чавканье ягодного пресса, хруст мельничных жерновов, неумолчный хор тысяч голосов...

Хмарьевск выглядел именно таким, каким Северин помнил его по своим снам.

Лабиринт улочек, переулков, стен, огородов, пустырей, лачуг, особняков. Зловонные горы отбросов, обсаженные цветами статуи, навозные кучи, забитые до отказа пивные, тенистые садики, сумрачные храмы, не умолкающие даже ночью мастерские и фабрики.

Мешанина, карнавал, сутолока.

Уличные торговцы с корзинами, забитыми огурцами и капустой, местной рыбой-скоткой и крабами-лофкритами; продавцы густо-красного кваса и пенистого зеленого пива из пузатых бочек. Пекари, обсыпанные мукой, и мясники в перемазанных кровью фартуках... Рудокопы, рыбаки, столяры, крестьяне, углежогги, камнетесы, винокуры, оружейники, мытари, кузнецы...

Разряженные в вышитые камзолы с клановыми гербами, в шелковых плащах, заколотых у плеча фигурными пряжками, – богатые бездельники со шпагами и мечами у пояса.

Скучающая на перекрестках с постными физиономиями городская стража в серых камзолах, шитых зеленой нитью, и шлемах с зелеными перьями.

Разносчики с ведрами, грузчики с мешками через плечо, нищие оборванцы, чумазные дети, жрецы Духов-Хранителей в цветных хламидах и разукрашенных масках, бродячие философы с бородами до колена и чернокожие, лоснящиеся от солнца, пожиратели огня; размалеванные девицы, почтенные матери семейств и согбенные старухи с клюками...

Садовники, лекари, цирюльники, банщики, актеры, драматурги, маги, клоуны, повитухи, скульпторы, шлюхи, аптекари, наемные убийцы, дрессировщики, библиотекари. Лошади, бродячие собаки, вороны, кошки, голуби...

Хмарьевская уха, непрестанно бурлящая, кипящая, исходящая паром, бездонный котел, едва прикрытый крышкой Городского Совета, пытающегося удержать в узде, остудить, урезонить всю эту людскую массу, раздираемую на части застарелыми противоречиями и рознями.

Прежде всего, Гирбилин намеревался навестить своих старых приятелей.

Список их был весьма короток: всего три имени. Со всеми тремя (то ли со всеми вместе, то ли по отдельности – Северин толком не понял) его связывало общее боевое прошлое.

Первого звали Лерус Мыслечтец. Фигура в Хмарьевске легендарная и уважаемая.

На момент последнего визита Гирбилина в Хмарьевск Лерус обретался на юго-востоке города, в округе Лягвина Плешка, и состоял в должности чиновника городской стражи, заведующим одним из бесчисленных ее подразделений, да не простым, а Особым – отвечавшим за магический надзор.

Именно там, в Лягвиной Плешке, они его и нашли.

Правда, не в ставке магических инспекторов, напоминавшей мрачный замок с бойницами и башнями. Туда их не пустили. Дежурный стражник разговаривал с ними через крохотное окошко в дубовых воротах, забранное кованой решеткой. Ограничившись справкой о нынешнем местоположении Леруса, со скрипом сдвинул заслонку, показывая, что разговор окончен.

По адресу, указанному стражником, Северин с Гирбилином и отыскиали Леруса.

На примыкавшем к заболоченному парку старом кладбище, с которого открывался вид на укутанный туманом Хмарьевский кремль.

На могильном камне было выбито:

«Вышедшему из ниоткуда

Ушедшему в никуда

танцевавшему на проволоке Вечности

с погасшей свечой

во Тьме».

– Я-то думал, – сказал Северин, – в Москву вы прямиком отсюда, из Хмарьевска попали. А вы, выходит, давненько тут не бывали.

– Годы, – ответил Гирбилин, мрачно разглядывая каменное надгробие на могиле своего друга.

– Где же вы были?

– В Аррете.

– А это что?

– Мир, где похоронена надежда, – скривился Гирбилин. – Пойдем, Северин, здесь нам делать нечего...

Вторым в списке Гирбилина был владелец таверны «Ощипанный гарпиль», располагавшейся в злочном районе под названием «Мушинные Фермы».

Звался он Дардагиль. Долговязый и худой, нос крючком, щербатая ухмылка, из-под расшитого бисером замусоленного колпака выбивались длинные нечесанные космы.

Обнаружив в своем заведении Гирбилина, владелец «Ощипанного гарпиля» немедленно потащил гостей через черный ход, через занавеску из гроыхающих бусин на длинных лесках – на задний двор, залитый помоями. Посреди двора дремал, погрязнув в луже, угрюмый хряк, которому прямо подмывало дать сапогом под оттопыренный толстый зад.

По словам Дардагиля, он, конечно, невероятно рад был видеть старого приятеля, но в городе тому появляться сейчас, мягко говоря, небезопасно. Тем более что у них тут, на Мушинных Фермах, теперь повсюду рыскают лазутчики, посланные «теми ребятами, которых мы не любим...», и поэтому Гирбилину лучше всего отправляться прямиком к старине Найрису, Отшельнику нашему Мошкарицкому.

Тот, как всегда, киснет в своей рыбацкой избушке. Там, мол, Дардагиль их и нагонит ближе к ночи, и всеми новостями поделится. Новостей масса. И, забегая вперед, что касательно Мурина – да, он в городе. Довелось созерцать лично. Подробности позже, ночью.

«Старина Найрис, Отшельник наш Мошкарицкий» был третьим в списке Гирбилина. Именно к нему, за неимением других вариантов, и направились.

Найрис действительно обнаружился в рыбацкой избушке на берегу Мошкарицы.

На кого-кого, а уж на рыбака он никак не походил.

Здоровенный плечистый детина, громогласный и хмурый, густая темная борода, волосы собраны на затылке в сложным образом заплетенную косицу, на левой скуле – синяя вязь ритуальной татуировки в честь хранителя Тенабира, в светлых глазах нет-нет да и промелькнет какая-то шальная мухоморно-берсерковская искра.

Именно в компании с Найрисом они наблюдали теперь, как последние лучи закатного солнца тонули в Мошкарице, как солнце – вроде бы и знакомое, привычное Северину, но при этом какое-то совершенно чужое – медленно скрывалось за лесом, окрашивая алым высокие кроны сосен.

Комары, едва солнце ушло, полновластными хозяевами вступили в свои владения.

Северин сидел на берегу, глядя, как медленно несет свои воды Мошкарица, слушал, как Гирбилин и Найрис вспоминают минувшие дни и великие битвы, толкуют о последних хмарьевских новостях и слухах.

С реки тянуло сыростью и тиной.

Северину на руку уселся очередной комар-кровосос. Какой-то особенно крупный экземпляр. Даже вонючая мазь его не отпугнула.

Северин с силой шлепнул себя по руке. Посмотрел в сторону тающего заката. Там, над верхушками хвойного леса, уродливым грибом выступала Тенабировая Башня.

Это было архаическое сооружение, живая память о смутной и кровавой эпохе, когда Магия только утверждалась в этом мире. Память о тех хаосе и розни, что, по словам Гирбилина, царили в те годы. В те годы его самого не было еще и в проекте, хотя, как знал теперь Северин, возраст его провожатого и наставника, по человеческим, по «земным» меркам, был куда больше, чем просто «почтенный».

Закат окрасил алой краской замшелые камни Башни. Ничего особенно жуткого, если присмотреться, в ней не было. Замшелые руины посреди леса.

Северин посмотрел на своих спутников.

Мужчины, что называется, выдавшие виды, опытные, плоть от плоти этого чужого и страшного мира, они прекратили свои серьезные разговоры и занялись, наконец, рыбалкой. Сыпали прикормку. Забрасывали сеть. Споря друг с другом за первенство над добычей, тягали из реки прищелкивающих клешнями локриков. Разновидность местной фауны, нечто среднее между крабом и омаром. Четырехглазое страшилище, облаченное в винно-красный панцирь. Один из побочных результатов все того же Магического Пришествия.

«Как они живут здесь? – подумал Северин. – Как вообще к этому можно привыкнуть?!»

Вот, к примеру, этот Найрис. Промышляет рыбалкой. С утра до вечера. Пропахшая потом рубаха, ноющая спина, дождь или жара, осенняя слякоть или зимнее ненастье. Все те же – сосны, Башня, река. Злобные локрики, которые так и норовят отхватить клешней полпальца. Пригоршня серебряных монеток в благодарность за труды.

Есть, как Северин успел узнать, и другие возможности устроить карьеру в Хмарьевске.

К примеру: знаком вопроса скрученная спина, набитая пылью глотка, въевшаяся в щеки сажа рудников. И все те опасности, что, по словам Гирбилина, таят в себе подземелья, – безымянные твари, приходящие с нижних уровней, ядовитые подземные грибы, которыми поколения горняков травятся от года к году, призраки погибших рудокопов, постоянное ощущение, что одного-двух ударов кирки хватит, чтоб пробить брешь в самую Преисподнюю.

И сразу вспомнились те шахтеры, которых Северину уже посчастливилось увидеть в Хмарьевске: вампирически-бледные лица, бескровные губы, серые скулы, многочисленные морщины, тусклые глаза. Чудом избежавшие завалов, потерявшие при подземных взрывах тройку-другую пальцев как минимум. Счастливики с мертвыми глазами.

Гирбилин с Найрисом тем временем вытянули какого-то небывало крупного, прямо гигантского лофкрита. Как мальчишки, спорили, чья это заслуга.

«Может, на этом они успокоятся? – подумал Северин. – Может, теперь уже мы пойдем в рыбацкую хижину, что прилепилась на откосе? К пламени очага, в тепло и свет, подальше от всей этой комариной вакханалии и болотной сырости?»

Гирбилин с Найрисом, устав спорить, ударили по рукам. Найрис сказал что-то, на что его приятель ответил громким хохотом.

Северин даже представить себе не мог, что его проводник умеет смеяться.

Найрис скрылся в камышах. А Гирбилин помахал рукой, мол «присоединяйся».

Северин вынул изо рта травинку, поднялся. Идти ему никуда не хотелось. Хотелось побыть наедине с самим собой. Разобраться во всем.

Но что еще оставалось? Помалкивать да слушать. Осваиваться. И к чему бы все это ни привело... Жанна... она того стоит, ведь верно?

6

Сумерки сгущались.

В этом мире, на Альтерре, от сумерек не ждут ничего, кроме беды.

Если не повезло завербоваться на рудники – всегда есть шанс попытаться счастья в вольных командах дровосеков. В трактирах Хмарьевска Северин уже успел наслушаться их рассказов. Случается, что по доброте своей Мать-Хмарь выведет к тебе хилого гоблина, одетого в драные лохмотья, в поисках пары-другой серебряных монет. Покажи такому засапожный нож, дай полной луне блеснуть на лезвии – уберется сам. Струсит. Пропадет среди папоротников.

Хуже, если замерцает в ночи пара алых огоньков. Потянет тухлятиной. Пиши пропало! Орочьи «Охотники-за-черепами».

Или того хуже – огры-людоеды.

Или горные тролли – опаснейшие твари. Крупные кланы и аристократические фамилии вербуют их в свои маленькие победоносные армии, нанимают телохранителями, выставляют бойцами на подпольных боях без правил.

От таких ножичком не отмахнешься. Одно неловкое движение – и быть при проселочной дороге новой насыпи. Без надгробия, без имени. Воткнутая в землю палка с парой выпарапанных рун-знаков. Здесь лежит безымянный неудачник. Это если найдут от тебя – хоть пожеванную сумку, хоть тот самый ножичек, свернутый спиралью.

В худшем случае – станешь ужином для жителей подхмарьевских лесов. И никто по тебе не поплачет. Разве что пара приятелей пропустит по кружке зеленого или по чарке горькой в трактире – за упокой. Да и забудут.

Если в лесу заблудился, поучал Гирбилин, особенно по вечеру – не спиши кричать «ау». Больше беды навлечешь, чем пользы. Прислушайся. Затихни. Дай лесу говорить самому. Не перебивай.

Бывает, Лес-отец выведет на стук топоров. На припозднившихся бравых дровосеков. На палаточный лагерь посреди просеки, от которого так уютно веет дымом и горячей похлебкой. Считай, свезло.

Бывает и иначе.

Бывает – остаешься один на один. Посреди леса. Против тебя гоблинский шаман. Ему не к спеху отведать твоей плоти и прибрать с твоего остывающего тела худой кошель. Ему хочется поразвлечься. Затянуть тебя в свою игру, заморозить, напугать до полусмерти, свести с ума. И лишь после этого прикончить и сожрать.

Искал приключений – получишь их в избытке.

Не Терра, но Альтерра, извечная НЕ-Родина, земля, возвращающая поколения сирот. Здесь в самом воздухе разливался привкус скорой гибели, привкус тревоги.

И в то же время – как замирает сердце, когда бредешь вот так в сумерках, по пустому берегу, под шорох камышей и осота. А там, над верхушками леса, виднеется Башня, в закатном свете – будто красочный коралл с морского дна.

Там, если верить случайным фразам, что бросал Гирбилин в разговоре, – якобы где-то там логово легендарных Мглистых Акробатов. Воинов, что воспевают без устали ярмарочные скоморохи и нищенствующие музыканты. Сказочных защитников хмарьевской земли, о которых драматурги слагают пьесы и которых выписывают тонкой кистью мастера миниатюры.

Боевое крыло культа Тенабира, залог безопасности тех кланов, гильдий и родов, что находятся под его покровительством. Там, в Башне, они и гнездятся. Вместе со жрецами в темных плащах и магами, что в заклинаниях своих взывают по старинке к Тьме. Худые, как

скелеты. Молчаливые. Не ведающие света дневного, как и любого света. Тело свое испытывающие веригами и истязанием плетью, приносящие кровавые жертвы Тенабиру... Точь-в-точь, как иные приносят Лаахору или Вильвике, Йогдуму или Гуафиссу. Путаются Тень и Свет, различаются цвета и руны, но как похожи строки песнопений, ноты заунывных священных гимнов; да и методы – всегда одни.

И каждый новый день – требует от своих адептов новой крови, новой дани. Каждый день льется густой красный яд на алтари духов, изваяны ли они из черного гранита или из розового мрамора.

Смеется, заходится безумным смехом Верховный Жрец. Смех его пляшет под древними сводами – мечется в катакомбах Лаахора, перестроенных из древних рудников, или гремит под изукрашенными чужими звездами и расписанными именами чужих звезд высокими сводами Йогдума. Смеются над глупыми смертными, назначенными в жертву, Верховные Жрецы, смеются все пятеро – давным-давно утратившие свои лица, укрывшие их под масками – хор из пяти безумных голосов, пятикратно умноженный дикий смех...

Они дошли до хижины Найриса – замшелой и скособоченной, но крепко, основательно построенной. Такая простоит еще не один год – несмотря на всю эту окрестную сырость и туманы. Вокруг нее сушились развешанные по ветвям сети, неподалеку, зарывшись носом в песок, покоилась длинная перевернутая лодка. В крошечном окошке хижины уютно горел желтый огонь.

По скрипучим ступенькам они поднялись, вошли, затворив за собой тяжелую дверь.

Найрис уже протягивал им кружки с горячим питьем. Местная разновидность травяного чая. Хоть и отдавала тиной, здорово согревала, спасала от сырости.

Северину даже понравилась.

На столе стояла клетка. Внутри перебирали многочисленными лапами, хищно шелкали клешнями лофкрыты.

– Погляди на них, – сипло сказал Найрис. – Прямо как мы.

– Ты о чем, дружище? – Гирбилин отпил из кружки.

– Тоже хотят жить. Карабкаются, борются.

За окном темнело, слышался негромкий плеск реки, слитный звон мириад ночных насекомых. В очаге потрескивали дрова, по лицам Найриса и Гирбилина плясали блики огня, придавая их помятым, посеченным жизнью чертам что-то былинное, эпическое.

– Говорят, именно в такую ночь Бог однажды выходил к людям, – сказал Найрис, глядя водянистыми глазами на огонь в очаге.

– Ты говоришь про Тенабира?

– Я говорю про Бога, – проскрипел Найрис. – Тенабир лишь дух. Алчный, злой, но зато и сговорчивый. И хоть жизнь моя неотрывно связана с ним, и я верно служу ему, и всегда буду служить... К чему обольщаться? Он не Бог. Потому что Бог вышел к людям в рубище, и ноги его были босы. Но он был сильнее, чем все люди, обитающие в этом мире, вместе взятые.

– Зачем он явил себя?

– Он сказал людям: «Вы наивные дети... хотите крови? Даже крови тех, кто не причинил вреда ни единому живому существу? Хотите крови тех, кто избрал путь мира и надеяния? Кто трудится не покладая рук, пока вы ищите легкой добычи, яркой славы, громкой смерти?» Люди молчали, глядя на Бога. Не ведая, что ответить. «Пусть будет так, – сказал он, – пусть будут те, кто нападает, и те, кто защищается. Пусть всякий сможет нападать на всякого. Пусть звонкая монета станет ценой жизни любого, кто живет здесь. Вы будете вознаграждать поколения охотников за чужой жизнью и поколения охотников за охотниками. Пусть так. Пусть счет чужих жизней уравнивается с золотом. Убивайте больше, и пусть никому не дано будет уйти от охотника... Будете ли вы счастливы?» Так он сказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.